

30 октября 2012

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

1937–2012 гг.

Прошло 75 лет с начала Большого террора. Память о его жертвах — это общая память, объединяющая людей и народы, потому что это память не только о преступлениях, но и о совместном противостоянии машине убийств, об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

Замалчивание собственной истории, отсутствие осмысления прошлого, его юридической оценки приводят к тому, что в информационном поле появляются новые попытки обелить Сталина. Эта тема, как старая рана, не дает покоя и поэтому находит большой отклик.

Так, в конце июля в Сети возникла острая дискуссия, вызванная «Письмом товарищу Сталину», написанным Захаром Прилепиным и опубликованным на сайте «Свободная пресса» svpressa.ru 30 июля 2012 г.

Напомним: Захар Прилепин — писатель, журналист, автор романов «Санкья», «Грех», «Черная обезьяна», рассказов. Национал-большевик, сторонник коалиции «Другая Россия».

Приведем выдержки из «Письма товарищу Сталину».

Мы заработали миллионы на водах, построенных твоими рабами и твоими учеными. Мы обанкротили возведенные тобой предприятия и увели полученные деньги за кордон, где построили себе дворцы.

Тысячи настоящих дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, осянной урод.

Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов перед�шили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решен. Ты положил в семь слов русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени.

Мы не желаем быть благодарными тебе за свою жизнь и жизнь своего рода, усатая сука.

Но втайне мы знаем: если б не было тебя — не было бы нас.

Чтоб избавиться от тебя, мы придумываем все новые и новые истории в жанре альтернативной истории, в жанре мухлеза и шу-

ЛЮБИМЫЙ СТАЛИН-СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ!

лерства, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии.

Мы говорим — и тут редкий случай, когда мы говорим почти правду, — что ты не жалел и периодически истреблял русский народ. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали. Главное, мы умалчиваем о том, что самим нам нисколько не дорог ни этот народ, ни его интеллигенция.

Это ведь не мы убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов — это, не смеясь, все ты. Ты! Умерший 60 лет назад! А мы вообще ни при чем. Когда мы сюда пришли — все уже сломалось и сгнило.

Мы говорим, что ты убил всех красивых офицеров и порой даже возводил убиенных тобой военспецов на

Продолжение на с. 2

В НОМЕРЕ:

Сохранение памяти о жертвах политических репрессий 3

«Шаламов»: книга-диалог, книга-тайна 4

30 октября в регионах 7

«Мы не живем, а выживаем» 8

«Это такой гад, с которым церемониться нечего. Нужно трясти его, как грушу!» 10

ИЗ ИСТОРИИ 30 ОКТЯБРЯ. 1976

В 1973–1974 гг., когда на воле («в большой зоне») КГБ, казалось, задавил правозащитное движение, по лагерям прокатилась волна протестов — забастовки, голодовки, кампания писем и заявлений. На «волю», в Самиздат, поступала новая информация о положении политзаключенных, которых власти упорно отказывались признать таковыми.

Единственным местом, где могли встретиться и обмениваться идеями политзаключенные строгого и особого режимов, была лагерная больница в поселке Барашево — «больничка». В марте 1974 г. там встретились этапированные на операцию Алексей Мурженко (с особого режима) и Кронид Любарский (со строгого). Переговоры велись во время получасовых прогулок вдоль хирургического барака. По словам Крониды Любарского, идея организационного оформления протеста и выработки его основы — статуса политзаключенного — носилась в воздухе.

Нужно было время для подготовки к проведению Дня политзаключенного, требовалось выбрать дату, однаково нейтральную для всех национальностей. Проведение Дня ПЗК непосредственно перед 7 ноября привлекало внимание Запада к положению заключенных. Эта неделя должна была сигнализировать миру и стране о непрекращающихся политических репрессиях в СССР и подготовить их к восприятию контраста между декларируемыми мифическими достижениями социализма и мрачной действительностью, позорным фактом наличия в стране политических заключенных.

Кроме решения о проведении Дня ПЗК, были выработаны общий проект статуса политзаключенного и ряд требований, направленных на общую гуманизацию режима содержания заключенных.

30 октября 1974 г. День политзаключенного был отмечен голодовками в мордовских и пермских лагерях и во Владимирской тюрьме.

Такой широте протестов невольной способствовала лагерная администрация, раскидавшая «заговорщиков» по разным лагерям.

В Москве 30 октября состоялась организованная А.Д.Сахаровым и Инициативной группой защиты прав человека в СССР пресс-конференция, на которой о Дне политзаключенного сообщили западным корреспондентам. Им передали 33-ю «Хронику», открытые письма заключенных, а также письмо А.Д.Сахарова Л.И.Брежневу от 24 октября 1974 г. В нем, в частности, говорилось: «Нельзя допустить, чтобы на нашей земле, хотя и на той ее части, которая отделена от Вас колючей проволокой и тюремными стенами, продолжалось бессмысленное и жестокое подавление человеческого права и достоинства. Нельзя допустить гибели мужественных и честных людей... Я прошу Вас вновь рассмотреть вопрос о полной амнистии политзаключенных, в том числе узников психбольниц, об облегчении режима и сокращении срока заключения для заключенных всех категорий».

В 1976 г. в акциях протеста, прошедших во Владимирской тюрьме, мордовских и пермских политических лагерях, приняло участие более 60 политзаключенных. Полный список участников memo.ru/about/bull/b13/1.htm

«Сегодня они держат голодовку в поддержку своего требования — признать их политическими заключенными, предоставить соответствующий статус. «Третий год подряд политзаключенные, взявшись за руки, заявляют всему миру: мы продолжаем борьбу», — пишет Кронид Любарский из Владимирской тюрьмы» — говорилось в заявлении

Продолжение на с. 4

Заявление «Международного Мемориала»

20 ноября вступает в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», именуемый в просторечии «законом об иностранных агентах».

Закон этот — антиправовой и аморальный по самой своей сути.

Антиправовой — потому что наделяет исполнительную власть прерогативами суда. И аморальный — потому что априори предполагает, что организации, получающие средства из-за рубежа, действуют по указке своих спонсоров, то есть высшей государственной мудростью провозглашает дешевой блатной афоризм: «Кто вас ужинает, тот вас и танцует».

В соответствии с этим законом, от «Международного Мемориала», как и от всякой другой гражданской организации, получающей пожертвования из-за рубежа, в любой момент могут потребовать, чтобы мы внесли себя в список «организаций — иностранных агентов», действующих на территории России, и поставили соответствующее клеймо на издаваемых нами книгах и на наших интернет-сайтах. Иначе говоря — чтобы мы сами признали себя организацией, действующей в интересах каких-то неведомых зарубежных сил.

Такое утверждение — заведомая ложь. Но дело не только в этом. «Мемориал», как организация, работающая с исторической памятью, обязан помнить — и напоминать обществу, — что в недавней отечественной истории кампании вокруг «иностранной агентуры», якобы действующей в нашей стране, не раз служили пропагандистским обеспечением для государственного террора и

О ЗАКОНЕ «ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ»

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» был подписан 21 июля 2012 г. президентом России. Под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, понимается НКО, которая получает финансирование от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и которая участвует в интересах иностранных источников в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ.

Некоммерческая организация признается участвующей в политической деятельности на территории РФ, если она участвует в организации и проведении политических акций в целях, направленных на изменение госорганами решений и проводимой ими политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях.

Согласно новому закону, для занимающихся политической деятельностью НКО, получающих финансирование из-за рубежа, будут действовать более строгие режимы отчетности и проверок, они будут ежегодно подвергаться дополнительным налоговым проверкам, проходить обязательный аудит, сдавать дополнительную отчетность.

На печатной продукции, выпускаемой «иностранными агентами», должна стоять соответствующая маркировка. За невыполнение требований предусмотрены штрафы, приостановление деятельности вплоть до лишения свободы сроком до 2 лет для руководителей.

преследования инакомыслящих. Достаточно вспомнить 1937–1938 гг., когда от сотен тысяч людей также добивались признания в том, что они являются «иностранцами агентами»; да и в более поздние времена критиков режима часто объявляли «наемниками Запада». Не говоря уж о том, что разращение национального сознания чекистскими байками об «иностранных агентах» — это испытанный способ ухода от решения реальных общественных проблем.

«Мемориал» не будет участвовать в акции, направленной на разрушение российского общества, и не станет распространять о себе заведомо ложные сведения. Если от «Мемориала» потребуют внести нашу организацию в список «иностранцев агентов», мы будем противостоять этому в первую очередь в судах. Мы — правозащитная организация и след-

лаем все, чтобы защитить право, опираясь на право же.

Мы не утверждаем, что этот путь — единственно возможный. Естественно, каждая организация будет сама решать, как сопротивляться абсурдному закону. Сила гражданского общества может проявиться не только в единстве действий, но и в их многообразии.

Разумеется, во всех случаях естественной нормой поведения остается взаимная солидарность и помощь тем организациям, у которых возникнут трудности после 20 ноября.

Мы уверены, что в конечном счете спокойствие и выдержка российского гражданского общества окажутся сильнее болезненных фантазий наших законодателей.

Правление Международного общества «Мемориал» 21 сентября 2012 г.

Первый раздел «Предложений» был посвящен увековечению памяти жертв репрессий. Прежде всего речь идет об уже существующих памятниках (наиболее известным из которых является Соловецкий камень в сквере у Политехнического музея). Необходимо провести их реставрацию, обеспечить, чтобы все эти знаки были внесены в реестр памятников истории и культуры. Одновременно предложен к обсуждению вопрос о создании отдельного памятника москвичам — жертвам репрессий. Одно из возможных мест сооружения памятника — у разрушенной Таганской тюрьмы. Необходимо проверить всю информацию о местах массовых захоронений в Москве и близлежащем Подмоскovie. Особое внимание уделено крупнейшему из обнаруженных мест захоронения жертв репрессий — Бутовскому полигону. Здесь необходимо определить точную границу захоронений, ввести для этой территории охранный статус. Подобная мера предотвратит попытки строительства «на костях». Среди предложений — открытие в Бутове соответствующего музея и создание на полигоне Аллеи имен, где будут перечислены имена захороненных на территории полигона; развитие транспортной инфраструктуры; включение полигона в путеводители по Москве.

Подобные работы необходимы и в других местах массовых захоронений — на полигоне «Коммунарка» и находящихся внутри города Новом Донском и Ваганьковском кладбищах, на территории Яузской больницы.

Отдельной темой, отраженной в «Предложениях», стала установка мемориальных досок, посвященных памяти выдающихся деятелей культуры и науки, организаторов народного хозяйства, военачальников и т.д., ставших жертвами репрессий; борцов с произволом и репрессиями — как подвергавшихся репрессиям, так и избежавших их. В списке имен, заслуживающих такого увековечения, писатели В.Шаламов, Ю. Домбровский, И. Бабель, Л. Копелев, Б. Пильняк, архитекторы В. Олтаржевский и В. Крюков, лингвисты Г. Ильинский, Е. Поливанов, Н. Дурнов, филолог М. Сперанский, историк М. Любавский, такие борцы с произволом советской системы, как Е. Пешкова, А. Солженицын, П. Григоренко, Л. Чуковская, А. Марченко, А. Гинзбург. Впрочем, этот список явно не окончательный, он нуждается в дальнейшей разработке и обосновании. В том случае, если в память об этих лицах уже были установлены мемориальные доски, однако на них отсутствовало упоминание о репрессиях, предлагается заменить их новыми с исправленными надписями.

Помимо мемориальных досок в память о конкретных людях, памятные доски, по мысли авторов «Предложений», должны появиться на сохранившихся зданиях, связанных с историей террора: на зданиях бывших следственных и пересыльных тюрем, на зданиях монастырей, использовавшихся в качестве концлагерей в 1920-е гг., на здании Даниловского детприемника № 1, куда отправляли детей «изменников Родины», на доме Военной коллегии Верховного суда СССР, выносившей расстрельные приговоры «врагам народа»: на здании МЧК, на зданиях бывших конструкторских бюро, где работали заключенные (вроде знаменитых «шарашек»), и наиболее известных сооружений, возведенных руками заключенных (главное здание МГУ, Архивный городок на Пироговке, шлюзы и насосные станции канала им. Москвы и т.д.).

Была также отмечена необходимость изменения городской топонимики — исключение из городской топонимической номенклатуры названий, связанных с именами лиц, запятнавших себя активным участием в политических репрессиях, и увековечение памяти выдающихся людей, ставших жертвами террора или подвергавшихся политическим преследованиям.

Завершение издания Книг памяти

Как обязательная часть программы было выделено завершение издания Книг памяти по расстрелянным, осужденным к различным срокам заключения в тюрьмах и лагерях или высылке из Москвы в административном порядке либо включенных в списки так называемых лишенцев. В примечаниях к этому пункту отмечается, что наиболее простой задачей является завершение издания Книг памяти расстрелянных. По данным авторов «Предложений», нужно подготовить не менее двух томов, посвященных расстрелянным на «Коммунарке», захороненным на Ваганьковском кладбище и территории Яузской больницы (примерно на 5–6 тысяч человек). Гораздо более масштаб-

ная экспозиция, посвященная системе ГУЛАГа). Необходимость двух разных площадок вызвана тем, что эти темы существенно отличаются по экспозиционному материалу. Так, первая тема больше ориентирована на фотографический и документальный материал с элементами печатной агитационной продукции. В презентации же второй темы на первый план выступают артефакты (орудия труда, предметы быта, творчество заключенных).

В рамках музея также предлагается организовать культурно-просветительский и информационный центры. В состав культурно-просветительского центра должны входить лекторий, методический кабинет, экскурсионное бюро, выставочный и киноконцертный залы. В состав информационного центра предлагается включить справоч-

плекование городских библиотек книгами, посвященными политическим репрессиям. Для того, чтобы было чем комплектовать библиотеки, предусматривается издание или переиздание серии из 10–15 книг различных жанров (художественная, научно-популярная, мемуарная литература), посвященных теме политических репрессий и ГУЛАГа.

В сфере архивной деятельности предлагается создать сводный архивный путеводитель по фондам архивных учреждений Москвы, имеющим отношение к истории политических репрессий, а также издавать тематические сборники документов по материалам московских архивов.

Предлагается также поощрять создание документальных фильмов, посвященных истории го-

люди на протяжении жизни испытывали постоянные ущемления в социальных правах, не говоря уже о нанесенном им моральном вреде, и потому заслуживают особой поддержки», — подчеркивают авторы «Предложений». Среди возможных мер поддержки — приравнивание бывших узников лагерей по объему социальной и медицинской поддержки к участникам Великой Отечественной войны, предоставление возможности реабилитированным, имеющим инвалидность, получать единую денежную выплату и пользоваться бесплатным проездом на железнодорожном транспорте и как инвалидам, и как реабилитированным. Также предлагается создать целевой фонд для поддержки социально значимых проектов, адресованных реабилитированным жертвам политических репрессий.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ЖЕРТВАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

9 сентября у руководителя департамента культуры Москвы Сергея Капкова прошло совещание, посвященное сохранению в Москве памяти о политических репрессиях. В совещании участвовали ответственные сотрудники нескольких департаментов правительства Москвы, заместитель председателя комиссии по восстановлению прав реабилитированных Марина Сулова, Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа, представители общественности, в частности Лидия Головова, редактор многотомного «Бутовского полигона», «Новой газеты». В совещании участвовали также председатель правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский и сопредседатель «Московского Мемориала» Ян Рачинский.

На заседании были представлены «Предложения» по целому ряду тем, которые были приняты к дальнейшей разработке.

ной обещает быть работа по составлению Книг памяти осужденных к тюремному заключению, ссылке — речь идет о сборе сведений о примерно 100 тысячах человек. Это чрезвычайно сложная, трудоемкая и объемная задача. Поэтому на первом этапе предлагается ограничиться составлением персональных списков таких людей с их публикацией в Интернете.

Не был забыт и День памяти жертв политических репрессий — 30 октября. К этой дате предложено включить в сетку вещания московского телеканала тематические передачи, посвященные репрессиям; проводить в школах, библиотеках и музеях в этот день Уроки памяти; организовать возложение цветов на кладбищах и в других памятных местах, связанных с жертвами политических репрессий, и соответствующие поминальные службы в храмах.

Московский музей истории политических репрессий

Основной темой второго раздела «Предложений» стало создание Московского музея истории политических репрессий. Такой музей, разрабатывающий в своей экспозиции две основных темы («история политических репрессий» и «история ГУЛАГа»), целесообразнее развернуть на двух независимых экспозиционных площадках. В качестве подобных площадок предложены здание Военной коллегии Верховного суда СССР, находящееся по адресу Никольская, 23 (там могла бы располагаться экспозиция, посвященная истории репрессий), и новое здание Музея ГУЛАГа, расположенное по адресу 1-й Самотечный пер., 9, стр. 1 (там могла бы разместить-

ную библиотеку, службу поиска, позволяющую уточнить данные о репрессированных родственниках, издательскую группу, готовящую к публикации печатные и мультимедийные материалы по основным направлениям деятельности музея. Музей также мог бы стать центром Ассоциации музеев данного профиля. В «Предложениях» отмечено, что могут и должны быть расширены экспозиции по истории репрессий, уже имеющиеся в московских музеях, прежде всего в Музее истории Москвы, и оказана поддержка ныне действующим общественным и ведомственным проектам такого рода: музею самого «Мемориала», музею «Дома на набережной», музею в бывшем Доме политкоржжан, экспозиции Музея Сахарова.

Предлагается также включить уже имеющиеся в Москве памятные знаки в программу обзорных экскурсий по городу и разработать несколько специальных экскурсий по московским местам памяти (репрессивные институции; дома, где жили известные жертвы репрессий, и т.п.). Предполагается также создание соответствующего путеводителя в двух вариантах: упрощенный, для туристических и учебных экскурсий, и более подробный в виде фундаментального исследования. Путеводитель должен сопровождаться иллюстрированным атласом по теме «Москва — топография террора».

В библиотеках, архивах, кино

Третий раздел посвящен мероприятиям в иных (кроме музейной отрасли) сферах культуры. Предлагается создать тематическую цифровую библиотеку с учетом информационных ресурсов московской библиотечной сети и поддерживать ком-

сударственного террора в СССР; ввести номинацию «история политических репрессий» на фестивале документальных фильмов, поощрять театральные постановки по данной теме.

Школьникам — о репрессиях

Темой четвертого раздела «Предложений» стали мероприятия в сфере образования. Предлагалось разработать и внедрить в программы школ и вузов факультатив «История политических репрессий в СССР» (со специальным разделом о правовых и гуманитарных последствиях террора), обеспечить создание учебно-методических пособий (в том числе мультимедийных). Кроме пособий, предлагалось издать художественные тексты об эпохе террора для обязательного или факультативного изучения в старших классах. Должны быть проведены конкурсы для школьных преподавателей (на лучший тематический урок) и школьников и студентов (на лучшие исследовательские работы).

Болезненная тема

Пятый раздел «Предложений» посвящен такой болезненной теме, как социальная поддержка жертв репрессий. Отмечается, что эта группа немногочисленна и при этом быстро сокращается в силу естественных причин, — в настоящий момент в городе насчитывается немногим более 20 тысяч реабилитированных жертв политических репрессий. Количество узников тюрем и лагерей среди них составляет не более 2 тысяч. При этом за последние два года скончалось не менее 2 тысяч человек из числа репрессированных. «Следует подчеркнуть, что по вине советских властей эти

Такой фонд должен поддерживать на конкурсной основе как проекты организаций самих реабилитированных, так и других общественных и государственных организаций, проводящих социальную и благотворительную работу с лицами данной категории. В качестве источника его формирования, кроме бюджета Москвы, могут выступать пожертвования граждан и бизнес-структур.

Как рассказал в интервью корреспонденту газеты «30 октября» Я. Рачинский, хотя не все эти темы были обсуждены на совещании подробно, однако ни одна из них не осталась без внимания. Среди тем, по которым можно рассчитывать на благоприятные решения в ближайшее время, — установление мемориальной доски Варламу Шаламову на Гоголевском бульваре и благоустройство мест захоронения жертв репрессий. Конкретно про сроки установки мемориальной доски говорить еще рано (о В. Шаламове см. также «Книга-диалог, книга-тайна» на с. 4. — *Ред.*)

Я. Рачинский подчеркнул, что рабочая группа под руководством С. Капкова была создана по поручению вице-мэра по вопросам социального развития Леонида Печатникова. Оба чиновника, по его словам, «входят в сущность дела и проявляют несомненный интерес к данной теме и готовность к сотрудничеству». Так, С. Капков предложил использовать современные информационные технологии для размещения на зданиях, связанных с историей террора, сведений об их прошлом. Сопредседатель «Московского Мемориала» отметил, что после прихода к власти в Москве в 2010 г. Сергея Собянина проблематике мемориализации памяти о репрессиях стало уделяться значительно больше внимания. Симптоматичным стал тот факт, что в отличие от Юрия Лужкова, который за все годы своего правления ни разу не приехал к Соловецкому камню 30 октября, С. Собянин в прошлом году безо всякой помпы приехал почтить память жертв политических репрессий. «По сегодняшним впечатлениям можно надеяться, что этой теме будет уделяться значительно больше внимания», — резюмировал Я. Рачинский.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: «Расстрельный дом» на Никольской улице
Фото из архива Архнадзора
archnadzor.ru

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

ИЗ ИСТОРИИ 30 ОКТЯБРЯ. 1976

➤ Окончание. Начало на с. 1

Московской Хельсинкской группы 30 октября 1976 г.

В архиве «Мемориала» сохранилось заявление еще одной группы политзаключенных, содержащихся в лагере Пермь-36. Поскольку оно ранее не публиковалось в полном виде, мы считаем возможным привести этот документ полностью:

«Мы понимаем, почему Советский Союз требует освобождения для политзаключенных всего мира, кроме социалистического лагеря.

Будучи причастными к миру, мы тоже требуем свободы.

Однако если социалистический лагерь не мыслит себя без таких учреждений как тюрьмы и лагеря для инакомыслящих, то пусть он выполнит требование нынешнего мира и предоставит своим политзаключенным СТАТУС ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО.

Мы заявляем это требование 30 октября 1976 г., в День политзаключенных СССР, и в знак поддержки его объявляем голодовку.

Политзаключенные Кучино:

Ковалев (Москва)

Менделевич (гражданин Изра-
иля)

Плупа (Вильнюс)

Сверстюк (Киев)».

Кроме них, в акции 30 октября 1976 г. в пермских лагерях участвовали Аксельбаум, Глузман, Марченко, Светличный, Зограбян, Кийренд.

В мордовских лагерях в голодовке участвовали: Хейфец, Солдатов, Кузнецов, Осипов, Романюк, Караванский, Ребрик, Федоров, Шумук, а также заключенные жен-

ского лагеря Шабатура, Калынец, Сенник и Попович.

Участники голодовки требовали отменить принудительный труд, прекратить применение голодного пайка в качестве наказания, открыть лагеря и тюрьмы для инспекции международными гуманитарными организациями и для неза-

ченные политлагерей учредили эту дату.

Поддерживать акцию я продолжал до 1984 г., пока был в заключении и ссылке.

Голодовки проходили так. Пишется заявление: я, такой-то, объявляю голодовку на сутки в связи с тем-то и тем-то, выражаю свой протест доступным мне образом. В одних заявлениях были требования признать политзаключенных

токоле и в чем именно тебя можно обвинить.

Участники голодовок 30 октября — это, конечно, контингент сидевших за самиздат и подписание разных протестов. Нас «старички» называли «марксистами» или «молодыми», хотя нам было сильно за 40. Мне 50 лет стукнуло в ШИЗО, — поделился Сергей Ковалев.

Кстати, участие С.Ковалева в проведении Дня политзаключен-

мание, что в результате этого материалы были широко использованы в идеологической кампании против Советского Союза...»

Наибольшее число участников акций протеста в лагерях отмечено в 1981 г., когда в голодовках и забастовках приняли участие около 300 политзаключенных.

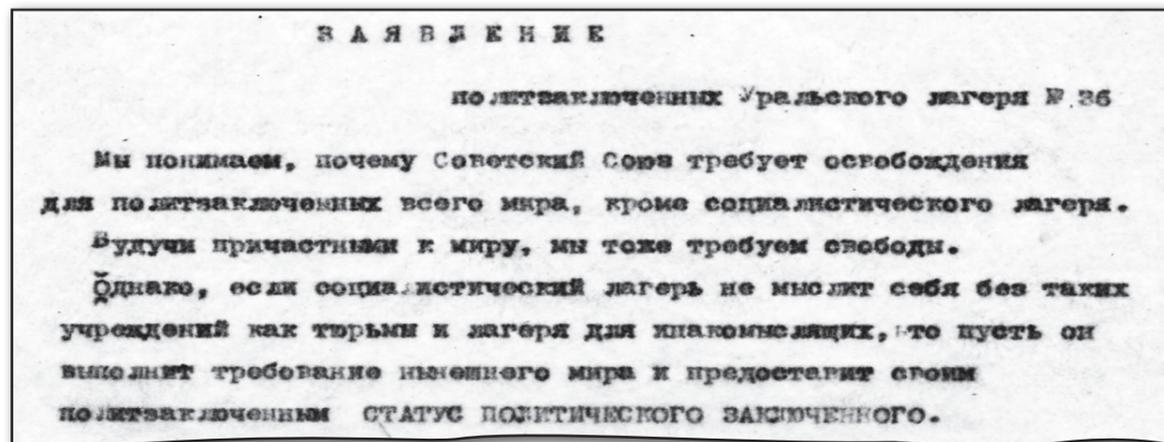
Начиная с 1987 г. День политзаключенного сопровождался демонстрациями в Москве, Ленинграде, Львове, Тбилиси и т.д. Если в первых демонстрациях участвовали десятки людей, то в 1988 г. — уже сотни. 30 октября 1989 г. демонстрации состоялись в десятках городов от Калининграда до Хабаровска, а число участников «живой цепочки», организованной «Мемориалом» вокруг здания КГБ, составило несколько тысяч человек. Участники акций преследовались властями: так, разгон митинга 30 октября 1989 г. на Пушкинской площади был наиболее жестким в Москве за все годы перестройки. Были задержаны и подверглись административным преследованиям более 100 человек.

30 октября 1990 г. на площади Дзержинского (ныне Лубянка) был установлен валун, привезенный с Соловецких островов.

18 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял решение о внесении Дня политзаключенного в перечень официально отмечаемых дат под названием Дня памяти жертв политических репрессий.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: копия письма политзаключенных 1976 г. из Архива НИПЦ «Мемориал», Москва.

висимой прессы. Они потребовали предоставить им статус политзаключенных.

Сергей Ковалев в интервью «30 октября», комментируя документ из архива «Мемориала», вспомнил о 30 октября 1976 г.:

— В 1976 г. для меня это была первая голодовка в зоне по поводу Дня политзаключенного — это был уже установленный день, все о нем знали заранее. Но не первая вообще — до этого я голодал, будучи под следствием в 1975 г. В 1974 г. я был одним из тех, кто сообщил миру о том, что заклю-

и учредить специальный режим для них, в других — не были.

У нас в зоне в тот год было примерно человек пятнадцать голодающих.

Администрация, конечно, знала об акции, но не принимала, да и не могла принять никаких мер, чтобы прекратить голодовку. Потом каждому из нас эта голодовка аукнулась лишением свиданий, посылкой, заключением в ШИЗО. Но нигде, ни в одном протоколе голодовка не была указана как причина наказания. Их ведь не надо учить врать, они сами прекрасно знали, что нужно написать в про-

ного в 1974 г., когда этот день отмечался впервые, было одним из основных пунктов обвинения во время суда над ним в 1975 г. Вот как формулировал это прокурор: «Значительное место в обвинении занимают материалы относительно пресс-конференции, состоявшейся 30 октября 1974 г. В этой части обвинения имеется следующий эпизод... На квартире Сахарова вместе с другими членами Инициативной группы защиты прав человека в СССР Ковалев принял участие в передаче сведений о положении лиц, отбывающих наказание в местах заключения в СССР. Обращаю вни-

«ШАЛАМОВ»: КНИГА-ДИАЛОГ, КНИГА-ТАЙНА

Открыл презентацию директор Музея ГУЛАГа Роман Романов, передав затем роль ведущего старшему научному сотруднику музея Ирине Галковой.

«В моей жизни не было никакой тайны. Я сторонник открытого боя», — заявлял герой этой книги. Издательство «Молодая гвардия», выпустившее книгу Валерия Есипова «Шаламов» в серии ЖЗЛ, отмечает, что главное в биографической книге — историческая точность.

К этому и стремился автор, понимая, что трагизм жизненной и литературной судьбы Варлама Тихоновича Шаламова может быть по-настоящему осознан лишь в контексте времени. Весь путь Шаламова был «сплетен», как он писал, «с историей нашей». Это и дореволюционная российская культура, и революция, и 1920-е годы, в которые писатель сложился как личность, и сталинская эпоха, бросившая его в преисподнюю Колымы, и все последующие годы, когда судьба тоже не была благосклонна к нему. Как же удалось Шаламову выдержать тяжелые испытания и выразить себя со столь мощной и величественной художественной силой, потрясшей миллионы людей во всем мире? Книга может дать лишь часть ответов на эти вопросы — обо всем остальном должен подумать читатель, опираясь на многие новые или малоизвестные факты биографии писателя, говорится в рецензии на книгу.

Первым выступил сам автор, который повелел собравшимся, как велось написание книги. Составитель четырех «Шаламовских сборников», в которых публиковались материалы из архива писателя, воспоминания его современников, литературоведческие и исторические исследования, писатель, историк, журналист Валерий Есипов отметил, что книга приглашает к спору.

19 сентября в Москве состоялась презентация книги Валерия Есипова «Шаламов», которая увидела свет в сентябре этого года в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». Это первая опубликованная биография Варлама Шаламова.

Зал Государственного музея истории ГУЛАГа на Петровке, 16, идеально подошедший своей обстановкой и антуражем для обсуждения книги, был полон до отказа. Дискуссия получилась глубокой, интересной и разносторонней: среди выступавших были люди, лично знавшие Варлама Тихоновича, и те, кто увлекается творчеством и изучением биографии автора знаменитых «Колымских рассказов».

«Вся моя книга основана на документах, в том числе и неизвестных, найденных в архивах. У меня свой взгляд на жизнь и судьбу и определенные события в жизни Шаламова, однако даже самые маленькие эпизоды книги основаны на конкретном материале», — поделился Есипов.

Валентина Твардовская, доктор исторических наук, исследователь журнала «Новый мир», назвав работу автора «мастерской и глубокой», отдельно остановилась на нескольких спорных эпизодах из жизни Шаламова. Она поддержала вер-

сию Есипова, согласно которой Солженицын сыграл какую-то роль в том, что Твардовский не опубликовал и даже не отозвался на стихи и прозу Шаламова. С другой стороны, по мнению В.А.Твардовской, автор книги недостаточно показал близость Шаламова и Твардовского в отношении к литературе и в некоторых мировоззренческих вопросах.

Сам Валерий Есипов в предисловии к «Шаламову» предугадал те темы, которые могут вызвать споры.

— Например: вокруг имени Шаламова еще при жизни возник-

ло немало мифов — о якобы «расколотости» его сознания, о его «душевной надломленности» и о том, что он, не выдержав давления власти, «сдался». Все это, как и нюансы его весьма непростых взаимоотношений с великими или менее значимыми для него современниками, требует четких и недвусмысленных ответов. А они невозможны без проникновения в особенности характера и миропонимания писателя.

Тем самым тайна Шаламова, безусловно, существует, — отметил Валерий Есипов.

Александр Даниэль, член правления «Международного Мемориала», остановился на «народности» феномена Шаламова:

— На Колыме фамилия Шаламов — это пароль. Даже те, кто не знаком с его творчеством, знают о том, что он писал о Колыме, и говорят «это наш человек».

Даниэль отметил, что книга Есипова — это книга не журналиста, а текстолога, историка, литературоведа, которая требует медленного, вдумчивого чтения. Тем не менее, в книге Есипова есть утверждения, с которыми он считает возможным поспорить. Прежде всего, по мнению историка, это то, что Шаламова «неправильно отождествлять с какой бы то ни было корпорацией, какой бы то ни было группой, но также неправильно считать Шаламова обычным советским писателем, как принято было писать в конце 80-х, трудной судьбы. Упомянутые автором «Письма старому другу» рисуют иную фигуру — фигуру борца». А.Ю.Даниэль не согласился с тем, что это письмо, посвященное процессу Синяевского — Даниэля, могло быть инспирировано кем-то из окружения Н.Я.Мандельштам. Также он отметил, что в книге очень стоило бы подробнее рассмотреть интереснейший вопрос бытования «Колымских рассказов» в Самиздате.

Почти все выступавшие дискутировали относительно известного письма Шаламова в «Литературную газету» 1972 года с отказом от его зарубежных публикаций.

На вечере выступал сын близкого друга Шаламова Якова Гродзенского — Сергей Яковлевич Гродзенский, которого Шаламов «благословил» на профессиональные занятия шахматами. Эмоциональной была реплика Е.В.Захаровой, в течение полугода ухаживавшей за больным Шаламовым в доме престарелых.

Несколько слов сказал и Джон Глэд, американский славист, автор английского перевода «Колымских рассказов», которому пришлось в начале 80-х «пробывать» «Колымские рассказы» в американских издательствах, а уже потом — слышать восхищенные отзывы читателей, критиков и писателей.

Нельзя не упомянуть об экспозиции фотографий и документов, которая была подготовлена совместными усилиями сайта Шаламов.ру и Музеем ГУЛАГа. На мини-стенде были копии тетрадей и черновиков, на аресты Варлама Шаламова, фотографии лагерей и редкие кадры из жизни писателя, а также архивные материалы. Все это дополняло обстановку зала Музея ГУЛАГа, с ее голый кирпичной кладкой, висящими на стенах цепями, фотографиями выставки Дэвида Кинга «Комиссар исчезает» (о выставке «30 октября» писала в № 107) и раскачивающимися на тонких проводах лампочками Ильича...

Книга уже появилась во многих крупных книжных магазинах и интернет-магазинах.

Карина ГАДЖИЕВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Валерий Есипов, автор книги «Шаламов»
Фото Анны Рапейко

«В ноябре 1976 г. избиратели Америки выбрали своим президентом малоизвестного политика из Джорджии Джимми Картера. Он не имел большого политического опыта. Выбрали его за то, что он идею бороться за права человека во всех странах поставил во главу угла своей президентской программы. Ошибочно было бы утверждать, что Картер и его администрация выполняли последовательно свои намерения. И в этом нет ничего удивительного. Они вступили на совершенно непроторенную тропу. Его избрали в ноябре 1976 г., а в мае 1977 г. я приехала в Америку в качестве эмигрантки. Имела дело с администрацией Картера. Он был новичок, у него не было еще сплоченной команды, и меня оторопь брала, когда я приходила в Госдеп США и в беседе с сотрудниками видела, что они совершенно не представляли себе, что такое Советский Союз. Конечно же, они делали ошибки, но горели желанием помочь нам. И права человека вошли в основное русло многосторонней и двусторонней внешней политики.

Хельсинкский Заключительный акт 1975 г. в явном виде включил права человека в основное русло советско-американских отношений. Исторические документы свидетельствуют, что Брежнев, лидер СССР, был приверженцем Хельсинкского процесса, но не оценил возможных последствий гуманитарных положений, описанных в так называемой третьей корзине Хельсинкских соглашений, то есть тех положений, которые обязывали все государства соблюдать демократические права и свободы своих граждан. Брежнев думал, что подписание Хельсинкского акта не поколеблет принятое в мировой дипломатии невмешательство во внутренние дела. Неожиданно для советской стороны администрация Картера поставила соблюдение прав человека на первое место в отношениях США со всеми странами, в том числе с СССР.

Именно со времен президентства Картера постепенно укоренилась идея, что дипломатам нельзя оставаться в стороне, когда в стране нарушаются права человека. Тему, которая раньше была запретной для них, стало неприлично обходить».

По словам Людмилы Алексеевой, в те годы никто даже не предполагал, что наступит время, когда каждый желающий сможет ознакомиться с секретными документами двух сверхдержав. «Сейчас это стало возможным благодаря долгой и кропотливой работе Архива национальной безопасности и «Международного Мемориала». На презентации их совместного проекта мы сегодня присутствуем», — сказала Людмила Алексеева.

Проект представили Светлана Савранская и Малькольм Бирн от Архива национальной безопасности при Университете Дж. Вашингтона, Геннадий Кузовкин от «Международного Мемориала».

Американская сторона

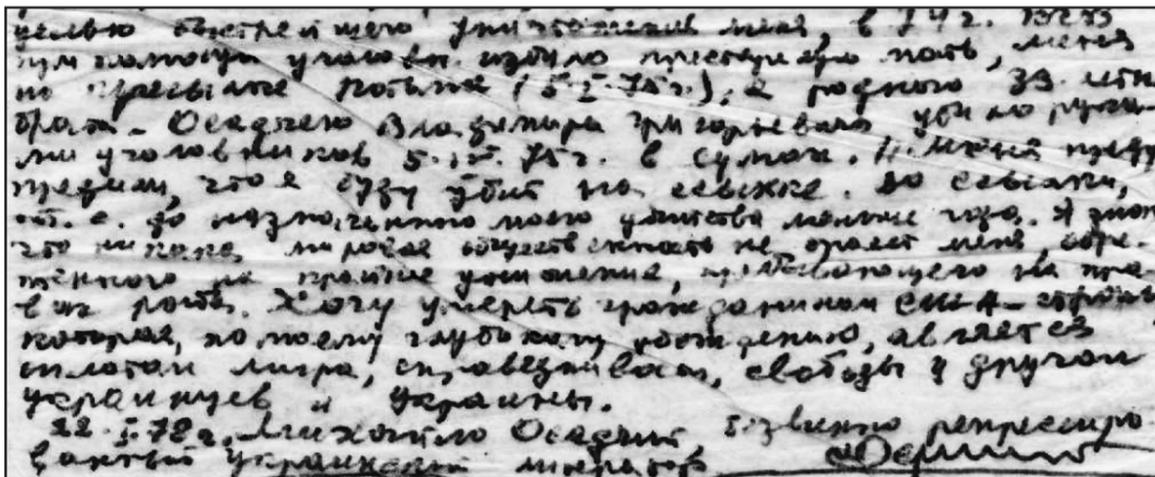
Светлана САВРАНСКАЯ — директор Российской программы Архива, инициатор и организатор проекта — более подробно рассказала о наполнении исторического веб-ресурса.

«Сегодняшняя презентация — это плод нашей совместной с «Мемориалом» трехлетней работы. Мы с «Мемориалом» взаимодействуем давно, но этот проект мне особенно дорог лично. И в МГУ, где я училась, и в университете Эмори в Атланте я, писала о внешней политике Джимми Картера по правам человека. В Архиве национальной безопасности, где я сейчас работаю, мы занимались проектом «Картер-Брежнев», то есть основой отношений между СССР и США в конце 1970-х годов.

Несколько лет назад мы с Геннадием Кузовкиным подумали, что надо нам сделать проект о Картере и советских дисси-

В Москве в конференц-зале «Мемориала» состоялся вечер «Россия, Запад, Права человека». В программе этого вечера была презентация исследовательского интернет-проекта «Президент США Дж. Картер и права человека в СССР» www.memo.ru/history/diss/carter_index.html. Проект стал результатом партнерства двух общественных организаций — «Международного Мемориала» (Москва) и Архива национальной безопасности (Вашингтон), его осуществлению помогло сотрудничество с Президентским центром и Библиотекой Картера (Атланта). Вечер открыла глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева.

ПРЕЗИДЕНТ КАРТЕР И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

дентах. Геннадий работал в архивах «Мемориала» с волонтерами, которые нас очень поддержали, а я со своими коллегами работала в Центре Картера. И вместе мы выявили очень много ценных документов. Они непосредственно касаются защиты прав человека. Это документы высшего уровня: еженедельные меморандумы советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, и госсекретаря Сайруса Вэнса, аналитические обзоры ЦРУ, внутренняя переписка членов администрации Картера, бумаги пресс-секретаря Картера и материалы пресс-конференций.

Я могу сравнивать документы времен администрации Картера с материалами более поздних лет периода окончания холодной войны и могу сказать, что аналитика ЦРУ, посвященная теме прав человека, при Картере по качеству гораздо точнее, чем в конце 1980-х годов. Права человека была не просто риторикой, а делом принципа президента. Это видно из переписки сотрудников администрации и по замечаниям Картера на полях бумаг, которые к нему поступали. Среди них в том числе есть такая помета: «Нам нужно хорошо подготовиться к Белграду (речь идет о Белградской конференции СБСЕ *Red*), в то же время нужно проверить, чтобы «наши юбки были чистыми», то есть чтобы и в США не было нарушений прав человека.

По документам виден интерес к проблеме по правам человека, особенно в Советском Союзе. Картер переписывается с Сахаровым, принимает в Белом доме Буковского. ЦРУ уведомляет Картера, что кампания президента США по правам человека настораживает власти в СССР, и вполне возможно, что отношения испортятся. Но политика Картера не меняется. Он сказал, что мы не будем отступать. Права человека — это наш приоритет. Советники Картера разделяли эту точку зрения.

Тему прав человека в СССР продвигали советские диссиденты, и американская администрация использовала их идеи, особенно идеи Московской Хельсинкской группы».

Один из руководителей Архива национальной безопасности, Малькольм БИРН, начал с того, что заявил:

«Тем, кто не знаком с нашей организацией и с тем, чем мы занимаемся, хочу сразу сказать: мы не шпионы и не разведчики. Наша организация негосударственная, — подчеркнул Бирн. — Америка имеет большое влияние в мире, и этот факт очень помогает нам полу-

чать необходимые документы. По Закону об информации мы имеем право запрашивать документы нашего правительства. Эти материалы порой имеют важное значение для истории других государств. И нередко возникает парадокс: наши официальные лица знают, что там делается, а гражданам этих стран такая информация недоступна. И эти знания помогают нам бороться за права человека в тех странах, где эти права нарушаются.

Раньше, разумеется, у нас не было тесной связи с СССР, и ситуация тогда была совсем другая. Сейчас она изменилась. То, что мы можем изучать сегодня, — это документы самого высокого уровня: стенограммы встреч между лидерами стран. Речь идет о самой высшей политике. Я хочу обратить внимание присутствующих на наш сайт, где эти источники доступны. Здесь есть очень ценные записи бесед между бывшими официальными лицами СССР и США, которые раньше были под грифом «секретно».

Российская сторона

О том, как создавался российско-американский исторический ресурс, рассказал Геннадий КУЗОВКИН («Международный Мемориал»).

«Идея родилась совершенно спонтанно. Мы беседовали со Светланой Савранской. Речь шла о том, что в источниках по истории послевоенного и после сталинского инакомыслия в СССР есть очень любопытные и рельефные образы Америки и американских президентов. Спросил Светлану, знают ли об этом в президентских библиотеках, например в картеровской? И добавил, что в самиздатском бюллетене московских правозащитников, в знаменитой «Хронике текущих событий», Картер — единственный иностранный политик, который попал в топ-100 самых упоминаемых персонажей. Тогда, в 2009 г., мы обсуждали документальный сборник, который хотели успеть издать к 85-летию Картера — к 1 октября. Но до юбилея оставалось мало времени, и мы решили создать интернет-проект. Его главная цель: сделать доступными для российской и американской аудиторий документальные источники из архивов наших стран, источники по важной и непростой теме: международные отношения и права человека.

Светлана первой внесла весомый документальный вклад в наш проект. Она положила начало американской части ресурса.

Это стимулировало нас предпринять собственный поиск.

Возможность сравнить секреты лидеров двух сверхдержав, Картера и Брежнева, безусловно, ценна. Но при поиске и публикации мы отдавали приоритет другим источникам. Я говорю о документах общества, о текстах конкретных людей, тех самых людей, права и свободы которых стали благодаря Картеру частью диалога сверхдержав. На мой взгляд, одним из достоинств нашего ресурса является то, что теперь вместе с кремлевскими и вашингтонскими бумагами можно увидеть и эти документы. В переписку с президентом США вступил не только Сахаров. Из Советского Союза Картеру о проблемах с правами человека писали и другие люди. В списке документов из российских архивов, который размещен у нас на сайте, несколько десятков таких писем. Если быть точным, из 107 записей о документах 73 — о письмах и телеграммах, адресованных Картеру.

Об этой почте президента трудно рассказать в двух-трех фразах. И не только потому, что таких писем много. Главное, разумеется, не в количестве. Едва ли не за каждым письмом стоит полная драматизма история.

Некоторые из этих посланий вырывались на волю и за границу из лагерей. Это так называемые ксивы — сообщения, посланные в обход тюремно-лагерной цензуры. Они представляют собой не только духовные, но и материальные свидетельства о политических репрессиях и лагерях в позднесоветскую эпоху. Текст сообщения наносился на тонкую, почти прозрачную бумагу, очень экономно, буква к букве, слово к слову, строка к строке (на фото). Политзаключенные с воодушевлением приветствовали Картера и его политику, они призывали президента не отступать от провозглашенного курса.

Архив национальной безопасности — американский негосударственный центр хранения и изучения документов холодной войны на основе закона США об информации содействует и при необходимости добывается раскритичивания исторически значимых документов администрации президента и спецслужб США, благодаря усилиям архива для общественности стали доступны ценные исторические источники, раскрывающие подоплеку таких событий, как Берлинский и Карибский кризисы, война в Афганистане, революции в Иране и Никарагуа и др.

За 25 лет своего существования Архив обрел много единомышленников и партнеров во всем мире. За эти годы накоплен богатый опыт сотрудничества с университетами, неправительственными организациями и независимыми учеными из России, Грузии, Армении и Азербайджана, а также из стран Восточной Европы. Архив стремится поддерживать развитие гражданского общества в России и в США.

Но все же в большинстве писем тон повествования невеселый, ведь речь идет об очень печальных вещах. О том, что в СССР людей преследуют за несовпадающей с официальным образом мыслей и за религиозные убеждения. Почти половина писем от независимых общин пятидесятников, адвентистов, баптистов. Они просили помочь уехать из атеистического государства в ту страну, «где можно свободно верить и служить Богу».

Вообще, получается, что больше всего просьб о содействии с отъездом из Советского Союза. Об этом писали не только верующие, еврей-отказники, люди из разделенных семей, но и бывшие политзаключенные, которые сталкивались с новыми преследованиями на свободе.

Отсутствие надежд на советскую власть и ее правосудие проявляется еще и в том, что большинство этих писем не имеет параллельной адресации руководству СССР. Кроме Картера, в качестве адресатов фигурируют американский народ, Конгресс, Сенат, международные организации, лидеры других государств, Папа Римский, мировая общественность, но не советские инстанции. Среди семи десятков писем удалось заметить всего семь, где авторы поставили в число адресатов Брежнева или Президиум Верховного Совета СССР.

В книге «Сохраняя веру» («Keeping Faith», University of Arkansas Press, 1995. — *Red*) Картер сказал о таких письмах как о чем-то психологически важным для него: «Меня часто упрекали как дома, так и за рубежом в том, что я раздражаю лидеров правительств и вношу напряжение в отношения между государствами. Но в то же самое время меня никогда не критиковали те, кто побывал в тюрьме или подвергся пыткам, те, чьи основные права были так или иначе ущемлены. Когда им удавалось сделать публичное заявление или тайно передать за рубеж личное письмо, они хвалили меня и ободряли, вновь и вновь повторяя, что самое худшее для них — это пренебрежение или забвение. Это особенно касалось политических заключенных за железным занавесом». Можно спорить о том, была ли эффективной политика Картера, но материалы из российских архивов подтверждают эти слова президента полностью и безоговорочно.

Неоценимую помощь в создании ресурса оказали волонтеры, сложилась замечательная международная команда добровольцев. На мой взгляд, этот опыт показывает, что есть определенный общественный запрос на российско-американские инициативы.

Вечер продолжилась дискуссией «Права человека как фактор международной политики — достижения, тупики и ловушки», в которой приняли участие Йенс Зигерт (Фонд Генриха Белля), Сэм Грин (РЭШ, Центр изучения интернета и общества), Татьяна Ворожейкина (ГУ-ВШЭ), Сергей Ковалев и Александр Даниэль («Международный Мемориал»). Вел дискуссию Вячеслав Бахмин.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»
На снимке: Письмо Дж. Картеру
политзаключенного, украинского писателя
Михаила Осадчего.

АКЦИЯ «ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ УРАЛА»

12-й километр Московского тракта близ Екатеринбурга — место, известное не только на Урале. Это расстрельное место 1930–1950-х годов постоянно напоминает о судьбах миллионов соотечественников, которые безвинно пострадали от рук большевистских палачей за свою веру, политические убеждения, за социальную принадлежность или просто... по «разнарядке»...

Ежегодно сюда приезжают многочисленные паломники из Москвы, из других регионов России. Часто это трагическое место посещают иностранные гости Екатеринбурга.

Место это особое. Здесь нашли свой последний «покой» почти 20 тысяч человек, замученных в стенах НКВД, расстрелянных по заведомо ложному приговору во время Большого террора — так называли в истории пик сталинских репрессий 1937–1938 гг.

Здесь, на месте оврагов с останками казненных людей, Администрация Екатеринбурга соорудила единственный в России мемориал с полным поименным списком жертв террора, занесенным на его стелы, — город мертвых!

Дважды в год при содействии Администрации города и Ассоциации жертв политических репрессий организованно сюда приезжают сотни людей — чаще пожилых, чтобы поклониться памяти жертв беззакония. Здесь лежат их мужья и жены, братья и сестры, отцы и матери, для многих уже бабушки и бабушки...

К сожалению, в другие 363 дня в году на это скорбное место, которое находится в 3 километрах от крупнейшего в регионе торгового центра и на обочине федеральной трассы, попасть трудно: нет городского автобусного маршрута, нет разворота транспорта... Проблем много...

Печально, что об этом памятнике зачастую не знают даже учителя школ, не говоря уж об учениках. Екатеринбургское общество «Мемориал» пытается сделать так, чтобы сюда «не заросла народная тропа». К сожалению, часто именно гости города лучше знают скорбный смысл этого места и специально едут сюда из дальних городов и стран.

Чтобы не допустить забвения страшной трагедии Большого террора, Екатеринбургское общество «Мемориал» каждую субботу в октябре организует на 12-й километр экскурсии для школьников, посвященные жертвам Большого террора 1937–1938 гг. и приуроченные к национальному Дню памяти жертв политических репрессий 30 октября.

На лесном мемориале жертвам политических репрессий автобус со школьниками и их педагогами встречает хранитель этого места Герман Александрович Филиппов из Ассоциации жертв политических репрессий, потерявший во время репрессий отца. Старшеклассники слушают рассказ о трагедии народа, пишут трогательные слова на открытках с изображением гроздей уральской рябины — «горькая память»...

«Прохожий, склони голову перед их памятью...»

Идея этой надписи на обелиске принадлежит ныне покойному Александру Носову, члену Ассоциации жертв политических репрессий и активисту Екатеринбургского общества «Мемориал».

Организовать эти экскурсии помог уральский бизнесмен Павел Подкорытов, прошедший типичные «русские университеты» — 5 лет СИЗО! Говорить о социально активном бизнесе последнее время стало модно. Большинство предпринимателей так или иначе ста-

раются помогать детским домам, инвалидам и прочим незащищенным слоям населения, не забывая при этом упомянуть о своих благодеяниях. Павел сам не стремится рассказать о своих заслугах, а объект помощи выбрал несколько нестандартный. Именно его усилиями Екатеринбургское общество «Мемориал» уже второй год имеет возможность устраивать в октябре приуроченные к Дню памяти жертв политических репрессий еженедельные экскурсии школьников на 12-й километр, к мемориалу.

Сам Павел определяет свою цель так:

«Я считаю, что можно бороться со следствиями тех или иных явлений, а можно начать бороться с их причиной, и это будет гораздо эффективнее. Если говорить о противодействии усиливающимся в стране «просталям» настроениям, то в том просвещении, которое ведет «Мемориал», я вижу одну из немногих возможностей, благодаря которым наше общество может еще быть реформировано и модернизировано.

Помогать обездоленным людям тоже важно и нужно, но, на мой взгляд, причина возникновения такого количества незащищенных людей лежит гораздо глубже. Эта причина заключается в том массовом сознании, которое доминирует сегодня в российском обществе: вера в «добраго царя», надежда на него и, соответственно, личная пассивность, перекладывание всех своих проблем и способов их решения на власть. Отсюда повышенная агрессивность к тем, кто думает по-другому, доходящая до ненависти к людям, которые действуют активно в любой социальной сфере. Я думаю, что эти факторы естественным образом соединяются в фигуре Сталина и в том, что он творил со страной. Поэтому, на мой взгляд, начинать нужно с этой темы, и если есть энтузиасты, которые этим занимаются, для меня не встает вопрос, нужно ли их поддерживать.

Я понимаю, что эти экскурсии охватят немногих, к тому же за один раз человека, скорее всего, не переубедить. Но эти экскурсии вызывают сильные эмоции, равнодушным тут остаться трудно, — и я надеюсь, что они могут хотя бы «зацепить» человека и тот начнет о чем-то задумываться».

**Анна ПАСТУХОВА,
Ксения КИРИЛЛОВА,
Екатеринбург**

На снимке: Школьники Челябинска у памятника на 12-м километре
Фото Анны Пастуховой

30 ОКТЯБРЯ В РЕГИОНАХ

Каждый год в конце октября в большинстве регионов России вспоминают о политических репрессиях в СССР. 30 октября традиционно стал днем встречи людей, помнящих о страшном и таком недавнем прошлом. И сейчас, 75 лет спустя, когда в общественной жизни и политике явственно ощущается пагубное влияние 1937–1938 гг. как системы государственного насилия, символом которого стали эти годы, помнить о жертвах репрессий необходимо.

День памяти жертв политических репрессий в Астрахани отметят на новом месте.

Председатель правления Астраханского правозащитного центра «Мемориал» Эвелина Торопова рассказала, что члены Астраханского «Мемориала» планируют 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, провести у памятника традиционный митинг.

В прошлом году место памятника было изменено. В связи со строительством на том месте, где был памятник, он перенесен в недавно заложённый парк «Дружбы», расположенный у Лебединого озера (в 600 метрах от старого места) в центре города. При этом его постамент был отреставрирован.

Памятник был создан на средства администраций Астраханской области и города Астрахани, и частных лиц. В роли мецената выступил председатель правления Облрыболовпотребсоюза В.И.Глазов.

«Сейчас памятник находится в очень хорошем месте, в новом живописном парке, недалеко от старого места», — говорит Эвелина Торопова.

Вячеслав ЯЩЕНКО

В Воронеже День памяти жертв политических репрессий будет отмечен траурным митингом памяти на мемориальном кладбище «Дубовка» — месте перезахоронения 2369 жертв коммунистического террора.

Во вторник 30 октября в 10 часов из центра города от кинотеатра «Спартак» отправится колонна автобусов с гражданами города в Дубовку для участия в этом мероприятии.

В этом году к 2369 перезахороненным ранее останкам расстрелянных в Воронеже при-

соединятся еще 320, которые были извлечены летом из семи расстрельных ям. Их торжественное захоронение также намечено на 30 октября. Затем пройдут возложение венков и цветов к братским могилам, православная панихида, краткие выступления представителей Воронежской областной Думы, администрации города, Воронежского «Мемориала». Признание вины государства, долг граждан и органов власти в сохранении памяти о жертвах репрессий, и в частности создание Книги памяти репрессированных воронежцев, обустройство мемориального кладбища расстрелянных в Дубовке, архивная работа по установлению имен расстрелянных, покоящихся в Дубовке, — вот основные темы предстоящих траурных выступлений.

Вячеслав БИТЮЦКИЙ

В Екатеринбурге памятные мероприятия проходят в Мемориале памяти жертв политических репрессий на 12-м километре Московского тракта. (Подробнее в статье «Акция «Горькая память Урала».)

В Москве ежегодный траурный митинг пройдет у Соловецкого камня на Лубянской площади перед зданием ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ. В течение последних 6 лет накануне дня памяти, здесь проходит акция «Возвращение имен». «30 октября» подробно писала об этой акции в № 104.

Печора открывает памятный знак на месте массового захоронения.

В 11 километрах от станции Печора пройдет открытие памятного знака на месте массового захоронения заключенных на ст. Мишаяг. Еще в 2001 году здесь был установ-

лен деревянный крест поисковым отрядом учащихся лицея народной дипломатии г. Сыктывкара под руководством И.В.Сажина, сейчас председателя Коми правозащитной комиссии «Мемориал».

Со временем возникла необходимость установки нового креста, более долговечного, металлического. Инициатива исходила от путейских рабочих: изготовил крест Евгений Петрович Плунге, мастер ПЧ-33. Он из семьи репрессированных.

30 октября пройдет Общероссийская поминальная церемония у памятника «Жертвам Печорлага», которая проводится ежегодно при участии репрессированных жителей города, их родственников, общественности, городской администрации, учащихся школ города.

Татьяна АФАНАСЬЕВА

В Перми 30 октября у Памятника жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище состоится митинг общественности Перми и Пермского края. В нем примут участие бывшие репрессированные и члены Общества «Мемориал», представители краевой и городской администрации, сотрудники и активисты общественных организаций, журналисты. В этот же день в Культурно-деловом центре начнется собрание членов Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал». Состоится презентация выставки «Неперемолотые». Выставка создана выпускниками Свято-Филаретовского православно-христианского ин-

ститута (г. Москва) и посвящена теме сталинских репрессий против священнослужителей.

31 октября состоится акция памяти во дворе, примыкающем к зданию Театра кукол (ул. Сибирская, 65). В дореволюционное время здесь размещался пересыльный замок для арестантов, которых гнали в Сибирь на каторгу. В советское время «пересылка» была печально известна как тюрьма НКВД № 2. В сохранившихся помещениях бывшей тюрьмы активисты Пермского «Мемориала» создают просветительский центр «История тюрьмы НКВД № 2».

Александр КАЛИХ

В Санкт-Петербурге ежегодно местом проведения мероприятий становится Левашовское мемориальное кладбище — место массовых захоронений погибших в годы репрессий и Соловецкий камень на Троицкой площади.

В Самаре у Знака памяти в парке имени Гагарина, где при производстве земляных работ обнаружено одно из мест массовых захоронений расстрелянных репрессированных, ежегодно в эти дни проходят митинги памяти.

В Сыктывкаре пройдет вечер памяти «Искры судеб во мраке ГУЛАГа»: по страницам Международного литературно-культурологического альманаха — антологии «История совести. Завещание А.Д.Сахарова».

29 октября в Национальном архиве республики пройдет День

открытых дверей и откроется выставка документов «Лишенные детства» (о жизни детей репрессированных родителей в Коми АССР 1930–1940-х гг. XX в.).

30 октября планируются заупокойные литии во всех приходах и монастырях Сыктывкарской и Воркутинской епархии и Поминальная акция-митинг у Памятника жертвам политических репрессий.

Михаил РОГАЧЕВ

В Томске сквере памяти жертв сталинских репрессий, расположенном рядом с бывшим зданием НКВД, в котором ныне размещается мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», у Камня скорби жители города поминают 20 тысяч томичей, погибших в годы террора.

30 октября жители Тюмени собираются во дворе бывшего здания НКВД Тюмени на улице Семачева, на месте массовых расстрелов есть надпись: «Здесь в 1937–1938 годах проводились массовые расстрелы безвинных... Никогда больше».

Ягодное

Печально-знаменитое в Магаданской области село Эльген известно тем, что во времена Гулага (1934 — середина 50-х гг.) здесь находился один из крупнейших женских лагерей Дальстроя, где отбывали наказание такие известные наши соотечественники, как Евгения Гинзбург, Ольга Слюзберг, Зинаида Лихачева и тысячи других...

А еще в полукилометре от села сохранилось детское кладбище, где зэчки-мамки хоронили в 1940–1950-е годы своих умеравших от болезней детей...

Именно на этом погосте в начале октября (если к тому времени не выпадет снег) планируется установка памятного трехметрового креста.

Бывших репрессированных и реабилитированных жителей в нашем районе уже не осталось, поэтому никаких встреч, как было раньше, в этом году организовано не будет.

Иван ПАНИКАРОВ

На снимке: памятник жертвам политических репрессий в Астрахани
Фото Вячеслава Ященко

РЕГИОНЫ

ПЕРВЫЙ ОСТРОВ АРХИПЕЛАГА

В декабре 2009 г. на Заячьем острове в Петербурге было обнаружено массовое захоронение, относящееся, по оценке специалистов, к периоду 1917 – начало 1920-х годов. Предположительно, это останки жертв так называемого «красного террора», так как тюрьма Петропавловской крепости вошла в указанный период в систему ВЧК и на территории крепости производились расстрелы.

К настоящему моменту на Заячьем острове были обнаружены и извлечены останки 106 человек и исследована лишь треть территории некрополя.

5 сентября 1918 г. был опубликован декрет о «красном терроре». Террор приобрел официальный характер. Но бессудные расстрелы начались раньше, и в Петрограде – в первую очередь: Зиновьев, председатель Совнаркома, уже 2 сентября 1918 г. отчитывался о расстреле 500 заложников. Эта страница является одной из наименее изученных историками: статистики расстрелов этого периода не сохранилось.

5 сентября 2012 г. у Головкина бастиона Петропавловской крепости был возложен венок в память о жертвах «красного террора». Члены Общества «Мемориал», активисты других общественных организаций и горожане возложили цветы к Соловецкому камню на Троицкой площади. Александр Марголис, председатель Совета НИЦ «Мемориал», в своем выступлении рассказал об истории поисков этого места и продолжении исследований, призвал всех участников акции собраться на этом месте и помнить об этой трагедии: «Пока памятника нет, мы каждый год приносим сюда цветы. Нас, как видите, очень немного, всего 40 человек, но, думаю, с годами сюда будут приходить все больше и больше людей».

Всего два года прошло с тех пор, как здесь проводила исследовательские работы экспедиция под руководством археолога Владимира Кильдюшевского. Александр Марголис выразил благодарность энтузиастам, которые проводили здесь работы, – сотрудникам Музея истории города, археологам и тем волонтерам, которые работали с ними бесплатно, патологоанатомам, которые провели первые экспертизы.

«Сегодня в связи с этим некрополем террора в самом центре Петербурга, есть очень много болезненных вопросов, остающихся без ответа, – рассказывает историк. – На сегодняшний день практически не осталось сомнений в том, что если не все, то большинство расстрелов первых лет советской власти в Петропавловской крепости происходило именно на этой территории. Почему? Это был хозяйственный двор Монетного двора. На планах начала XX века зафиксирована ограда этого хозяйства. И современники тех страшных событий, в частности княгиня Ольга Палей, вдова великого князя Павла Александровича, здесь расстрелянного, четко го-

ворила об этом. Сейчас эта ограда не существует. Но вся территория, прежде входившая в границы хозяйственного двора и обнесенная оградой, должна быть сегодня исследована целиком, до последнего квадратного сантиметра. Она начинается от Никольских ворот Петропавловской крепости и простирается до угла Головкина бастиона, где мы стоим. Мы уверенно говорим: сошлись нарративные источники и археология».

Кильдюшевский раскопал только 30% этой территории, – продолжил А.Д.Марголис, – и уже найдено около 120 расстрелянных. Если экстраполировать первые находки, сделанные в единственный археологический сезон, то здесь могут быть обнаружены останки порядка 300–400 человек. Это известно, опубликовано, об этом говорили с экранов телевизоров, это есть в Интернете. Тем не менее, свеженькая дорога, которая идет к новой автобусной стоянке на Кронверкской куртине, проходит как раз по середине этой территории. Вертолетная площадка, с которой поднимаются прогулочные вертолеты, находится на этой территории. Те, кто бывают здесь летом, видят, что здесь загорают, с собачками кувуркаются... Меж тем мир и город знают, что это некрополь, что в этой земле лежат кости казненных заложников. Мы должны потребовать от городских властей, от дирекции Музея истории города, чтобы, пока раскопки не завершены, эта территория была бы каким-то образом выделена, огорожена и людей бы предупреждали, на каком месте они находятся».

Александр Марголис напомнил об «абсолютно позорном факте»: «Два года раскопки здесь не велись на том основании, что нет денег на эти работы. А денег нет потому, что в уставе Музея истории города нет статьи, позволяющей такие раскопки проводить, и город не может выделять музею средства... Ужас! как будто речь идет о строительстве какого-то хозяйственного бытового барака».

«Мемориал» неоднократно обращал внимание на недопустимость подобной ситуации. Наконец, реакция последовала: губернатор Полтавченко в этом году поручил вице-губернатору Кичеджи найти способ решения этого вопроса». А.Д.Марголис рассказал о нескольких совещаниях: «У Кичеджи прошло уже несколько совещаний по

этому вопросу. В уставе музея появился соответствующий параграф».

Таким образом, в 2013 г. бюджетные деньги могут на законном основании поступить музею, чтобы он продолжал раскопки. Это при том, что на любой фейерверк и прочие вполне бессмысленные, на мой вкус, гулянья расходуются из того же бюджета сумасшедшие деньги, абсолютно не сопоставимые с тем, что требуются для проведения тут работ. Это свидетельствует о глубокой болезни нашего общества в целом, и власти не лучше нас в этом смысле. Поэтому давление с нашей стороны не должно прекращаться до тех пор, пока дело не будет доведено до конца».

Перспективу развития событий Александр Марголис видит так:

«Раскопки в полном объеме должны быть проведены на профессиональном уровне, со всей тщательностью, на всей территории, для того чтобы ответить на вопрос, сколько их здесь. Необходимы надлежащее хранение найденных останков и условия для проведения их экспертизы. Уже получился идентифицировать одного человека из расстрелянных здесь. (Марголис напомнил об идентификации останков морского офицера Рыкова, расстрелянного на этом месте в конце 1918 г.) Даже если есть один шанс из тысячи, мы его обязаны испытать. Наша обязанность возратить из беспамятства людей, которые сейчас лежат здесь без имени».

Историк отметил, что в 2013 г. внимание к этому месту и к Петропавловской крепости в целом будет исключительно велико. «Особенности сегодняшнего мировоззрения властей предполагают пышные торжества по поводу 400-летия Дома Романовых. Только часть Романовых находится в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора. Четыре великих князя, ставших жертвами «красного террора», лежат здесь, где мы сейчас стоим. И сегодня никто не может ответить на вопрос, где именно на этой территории они лежат». Марголис считает, что это создаст дополнительные предпосылки для давления на власть с тем, чтобы она занималась этим местом всерьез. Однако нельзя допустить, чтобы исследование данной территории закончилось лишь торжественным погребением четырех расстрелянных великих князей. Должны быть исследованы все останки».

Заключительный этап работ – это погребение останков. Марголис уверен, что единственное место для этого – территория у Головкина бастиона, где они встретили свой смертный час. И установка на этом месте памятного знака. «Он должен быть очень сдержанным, скромным. Это Петропавловская крепость, это центр Петербурга, города-памятника». Он не исключает, что случай такой особенный, что можно объявить и международный конкурс на создание такого памятника».

«Мы твердо осознали, что находимся на территории первого острова Архипелага ГУЛАГ. Именно с этого места все и началось. И наша обязанность – в сознание современников и потомков внедрить эту информацию, чтобы отношение к центру Петербурга было откорректировано с учетом этих ужасных находок. Это не просто колыбель Петербурга, это не просто русская Бастилия – самая страшная тюрьма русского царизма, что повторяют здесь каждый день экскурсоводы, это еще и начало государственного террора коммунистического периода. Заячий остров – первый остров Архипелага ГУЛАГ», – закончил А.Д.Марголис.

Татьяна КОСИНОВА,
Санкт-Петербург

На снимке: Александр Марголис
Фото Андрея Каленова

«МЫ НЕ ЖИВЕМ, А ВЫЖИВАЕМ»

Челябинские законодатели решили отметить 75-летие Большого террора принятием закона, сводящего почти к нулю все льготы, которые были гарантированы жертвам политических репрессий Законом о реабилитации.

Каждый раз, получив пенсию, Раиса Ивановна начинает раскладывать денежные купюры по кучкам: за квартиру, за телефон, это на лекарства, а еще на проезд. В результате остается самая маленькая кучка: на питание, мыло, шампуни, стиральный порошок. С недавних пор денег на «все остальное» стало намного меньше.

Если раньше в статье «расходы» не записывались траты за проезд и на лекарства уходило в два раза меньше денег, да и за квартиру платила гораздо меньше, то с июля этого года ей с трудом удалось уложиться со своими обязательными расходами в 11 тысяч рублей – такая пенсия у Раисы Ивановны Комаровой, председателя Челябинской областной общественной организации реабилитированных и лиц, пострадавших от политических репрессий – «За справедливость».

Раисе Ивановне было полгода, когда 14 декабря 1937 г. арестовали ее отца. «Мама осталась с семью детьми. Отца расстреляли, мама воспитывала нас одна. Жили голодно и холодно. Таких семей, как наша, в те годы было очень много. Потом была война. Как выжили – ума не приложу. Мы долго жили с клеймом «дети врага народа». Трудное было детство», – вспоминает Раиса Ивановна.

Она не может сказать, что нынешняя ее жизнь менее тяжелая, чем в те годы. Проблема – как выжить, когда ты далеко не молод, когда подступают болезни, когда нет денег, чтобы поехать подлечиться, – остается и в эти дни.

Раиса Ивановна рассказывает о бедах тех, кому пришлось пережить весь ужас сталинских репрессий, а таких в Челябинске 26 тысяч.

«Понимаете, создается впечатление, что местные власти задались целью создать нам условия, при которых нельзя жить нормально, можно только существовать. Кто-то садится на диету сам, чтобы похудеть. Нас же сажают на голодную диету наше челябинское правительство. И делает это поэтапно, из года в год», – уверена моя собеседница.

Как руководителю организации «За справедливость» ей приходится штудировать массу документов, которые касаются жертв сталинского террора и семей репрессированных.

«По закону от 18.10.1991 г. государство решило выплачивать нам пенсию для того времени компенсации с учетом того, что она будет возрастать, – рассказывает Раиса Ивановна. – На деле все получается с точностью до наоборот. После первой «монетизации» льгот в РФ и принятия закона от 22.08.2004 г. в Челябинской области были изданы законы 253-30 от 22.08.2008 г. и 343-30 от 25.12.2008 г., по которым значительно снижены компенсации жертвам политических ре-

прессий, установленные Законом РФ 1991 г. А окончательно нас лишили всех льгот и компенсаций летом этого года», – жалуется Раиса Ивановна.

«По новому закону 354-30 от 28 июня 2012 г., который принят правительством Челябинской области, мы окончательно становимся настоящими жертвами политических репрессий. Нас лишили бесплатного зубопротезирования. Если раньше у нас была 50-процентная льгота на приобретение лекарств, то теперь этой льготы нет. Нам не будут возмещать проезд по железной дороге один раз в год и не возместят расходы на проезд к месту лечения. Конечно, всех больше всего волнует то, что нет льгот на приобретение лекарственных препаратов. Хорошие лекарства все время дорожают, на них теперь будет уходить половина пенсии», – делится своими проблемами Раиса Ивановна.

О накопившихся обидах и проблемах она говорила на традиционном митинге-реквиеме, посвященном памяти жертв политических репрессий на Золотой горе в Челябинске. Здесь 7 сентября собрались те, кто прямо или косвенно пострадал от сталинских репрессий.

«Беда сегодня, как и в те далекие годы, одна – ни мы сами, ни наши проблемы никому из власти имущих не нужны, – продолжает свой рассказ Раиса Ивановна. – Вы не представляете, куда я только ни писала, чтобы нам вернули те льготы, которые мы имели, в какие только кабинеты ни стучалась – без толку».

Министр социального развития правительства Челябинской области Ирина Бехт не удосужилась выделить мне 10 минут своего времени, чтобы выслушать меня. Понимаете, ведь у нас есть люди, узники ГУЛАГа, которые тяжело больны, которым нужны дорогостоящие препараты. А пенсии у нас мизерные. Как жить дальше?»

Уполномоченный по правам человека в Челябинской области Алексей Севастьянов пытается в меру своих сил и возможностей помочь этой категории граждан.

«Дело в том, что льготы, – это не компенсация и льготы правительства может хоть сколько сокращать, потому что это не является нарушением, это льготы. Речь идет о том, что компенсация должна быть соизмерима с теми страданиями, которые люди перенесли. Вместо натуральных льгот теперь они получают денежную поддержку – 300 рублей ежемесячно. По мнению льготников, эта сум-

ма не сопоставима с утраченными компенсациями». Алексей Севастьянов сказал, что совместно с правозащитными организациями он готовит обращение в Генпрокуратуру РФ, к Уполномоченному по правам человека в России Владимиру Лукину, а также в суд по вопросам восстановления прав на компенсации пострадавшим от политических репрессий.

Омбудсмен Севастьянов видит выход из ситуации в присвоении

МАЙОР ЛИЗНАРД ДО ПОСЛЕДНЕЙ МИНУТЫ ВЕРИЛ, ЧТО ЕГО АРЕСТОВАЛИ ПО ОШИБКЕ

Тамара Родионова, правнучка репрессированного майора Красной армии Маврикия Павловича Лизнарда, рассказала корреспонденту газеты «30 октября» о своем прадеде, арестованном с 1938 году по обвинению в связи с Тухачевским и участии в контрреволюционной деятельности. Маврикий Павлович до последней секунды верил в то, что произошла какая-то ошибка и она непременно будет исправлена. Истовая вера в то, что ему удастся доказать свою невиновность и Родина реабилитирует его, не оправдала себя: майор Лизнард умер в лагере 5 августа 1944 года в возрасте пятидесяти лет.

жертвам политических репрессий специального статуса.

«В большинстве российских регионов реабилитированные получают в среднем ежемесячно по 2 тысячи рублей в качестве компенсации, к этому кое-где добавляется бесплатный проезд в муниципальном транспорте, — сказала Раиса Ивановна. — У нас же правительство, видно, решило, что, лишив нас льгот, они сэкономят большие деньги».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Ольга КОСОРЕЗ, юрист
«Международного Мемориала»,
прокомментировала «30 октября»
принятый в Челябинской области
закон:

Вскоре после распада Советского Союза Первым Президентом Российской Федерации Борисом Николаевичем Ельциным в октябре 1991 г. был подписан Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Его целью было установить посылку для государства компенсацию причиненного народом материального и морального вреда. Около 10 лет этот закон улучшался, совершенствовался. В эти же годы была принята Конституция РФ, провозгласившая главным в государстве человека, гражданина этого государства. Она провозгласила правовое демократическое государство.

Но со смелой руководства страной уже в 2000 г. стали появляться законы, нарушающие Конституцию, нарушающие права граждан, и в первую очередь жертв политических репрессий. Прекратилось ежегодное индексирование предусмотренных Законом о реабилитации компенсационных выплат за материальный ущерб. И до сегодняшнего дня компенсация за изъятое имущество состоятельного крестьянского хозяйства, включающего жилой дом, наворонные постройки, скот, птицу, сельхозинвентарь, выплачивается, как и в 2000 г., в сумме 10 000 рублей. Сумма, на которую сейчас можно купить аж целую одну треть коровы.

Далее в 2004 г. из Закона исчезло возмещение морального вреда. Обязанность компенсации государством из своего бюджета свалена на плечи регионов. Богатые регионы сохранили уровень компенсаций в натуре, бедные регионы заменили копеечной денежной выплатой.

И вот законодатели Челябинской области решили отметить 75-летием Большого террора и приняли 28 июня 2012 г. закон № 354-ЗО, заменяющий все транспортные расходы жертв политических репрессий и лиц признанных, пострадавших от репрессий, всю медицинскую помощь: лекарства, протезирование, путевки на лечение этим уже престарелым и тяжелобольным людям копеечной ежемесячной денежной выплатой в размере 300 рублей. Для сравнения: до этого закон Челябинской области предусматривал ежемесячно 200 рублей как компенсацию только транспортных расходов.

Понятно, что этот закон только ускорит переход этих всю жизнь глубоко страдавших людей в лучший мир.

Принятие этого «юбилейного» закона является грубейшим нарушением Конституции РФ в части 2 ст. 55, запрещающей принимать законы, отменяющие или умаляющие права и законы граждан, ст. 53 — об обязанности государства возмещать причиненный им вред и многих других статей Конституции.

На снимке: Алексей Севастьянов с помощницей и Раиса Комарова
Фото из архива Раисы Комаровой

Потомок древнего рода

Наш род очень древний — он берет свое начало с 1700 года. Мои предки жили на Юге Франции — недалеко от Ниццы есть город Валариз (Vallauris). Среди них были довольно знатные и почитаемые люди: в честь моего прапрадеда в Валаризе названа площадь, а в честь его родного брата — улица, ведущая к этой площади.

Мой прадедуска, Морис, названный в России Маврикием, родился 14 июня 1894 г. в семье французских подданных Павла Маврикевича и Надежды Филипповны Лизнард. Павел Маврикевич преподавал французский язык в Донском кадетском корпусе. Незадолго до своей кончины он принял российское подданство. Надежда Филипповна после смерти супруга переехала в Москву, зарабатывала на жизнь преподаванием французского.

Прадед закончил в Москве городское училище, а затем Первый московский кадетский корпус. В 1911 году его мама, Надежда Филипповна умерла и Маргарита, родная сестра, переехала жить к родственникам во Францию, а Маврикий остался в России. В 1913 году он закончил Александровское военное училище, и был назначен в 27-й пехотный Витебский полк в звании подпоручика. Затем был фронт Первой мировой, ранение, работа в гражданских учреждениях. До революции он был успешный военный с хорошей карьерой. Но после — все изменилось.

Несмотря на честное служение Родине, Маврикий Лизнард было отказано в просьбе вступить в коммунистическую партию. Вероятно, этому помешала прежняя служба в царской армии в звании штабс-капитана.

Последняя должность Маврикия Павловича в Красной армии — командир-руководитель тактики Военной академии моторизации и механизации РККА. В академии Маврикия Павловича любили и преподаватели, и студенты. Он много работал, имел научные труды и изобретения. Кроме того, он увлекался музыкой, играл на фортепиано, рисовал картины. Маврикий Павлович свободно владел французским и немецким языками. Много внимания уделял семье, детям. В июле 1937 г. майора Лизнарда неожиданно уволили из армии якобы по состоянию здоровья. На работу его никуда не брали. Он вынужден был устроиться сначала сторожем, а затем слесарем по ремонту автомобилей. В ночь на 21 февраля 1938 г. его арестовали.

Арест

Поводом для ареста стало обвинение в связи с Тухачевским и участии в контрреволюционной деятельности. Маврикия Лизнарда посадили в Бутырскую тюрьму. Аттестации, находившиеся в личном деле майора Лизнарда, имели исключительно положительный характер. В них отмечалась его эрудированность, любовь к технике, добросовестность. Товарищи по работе считали его выдержанным, решительным, инициативным и настойчивым в достижении цели. Маврикий Павлович великолепно знал все виды оружия и

показывал отличную стрельбу из любого из них. «Как командир, — отмечалось в аттестации, — в боевой обстановке по своей подготовленности к принятию решений, их осуществлению и личным качествам не оставляет желать лучшего». Его аттестации подписывали известные военачальники: Урицкий, Корг, Германович, Игнатев, Соломин. С Тухачевским Маврикий Павлович действительно был знаком, они были сокурсниками в период обучения военному мастерству.

Моему деду, В.И.Родионову, автору книги «Мы жили и работали недаром», удалось познакомиться с ранее засекреченным делом № Р-466 в отношении своего свекра. Оно начинается со справки, которая гласит, что, по показаниям участника офицерско-монархической организации и фашистского заговора, бывшего начальника штаба Военной академии моторизации и механизации РККА Н.С.Рудницкого, проходит Маврикий Лизнард. Этот «документ» и стал началом репрессий в отношении майора Лизнарда.

«В постановлении о мере пресечения и предъявлении обвинения от 10 марта 1938 г. оперуполномоченный младший лейтенант Передунов изобличает Лизнарда в том, что он якобы является участником военно-фашистского заговора, входит в террористическую группу, ставившую своей целью террор против руководителей ВКП(б), и одновременно является агентом французской разведки и по ее заданию проводит шпионскую работу в пользу Франции», — пишет мой дедушка в своей книге.¹

Маврикий Павлович никаких документов подписывать не стал и вину свою отрицал до конца. Особое совещание — вынесло ему приговор — восемь лет исправительно-трудовых лагерей и отправило в Архангельскую область. Жена Маврикия Павловича неоднократно обращалась в различные инстанции, в том числе и к Молотову, с просьбой разобраться и освободить ее мужа. Но, увы, все ее просьбы остались без удовлетворения.

Лагерь

Условия жизни в лагере были очень тяжелыми: скудное питание, плохая одежда. Моя бабушка со своей мамой меняли одежду на ржаную муку и крупу, которые отправляли в посылках Маврикий Павловичу. На том он и держался.

В лагере он начал болеть: стало повышаться давление, начали опухать ноги, потерял почти все зубы, а в 1944 г. развилась астма и начали отказывать почки. В связи с ухудшением здоровья Маврикия Павловича положили в лагерную больницу. Медицинская комиссия определила его годным к легкой работе. Его мечты выйти из лагеря досрочно и увидеться со своей семьей рухнули. Из больницы он так и не вышел. В последней открытке он написал: «Не печальтесь, дорогие мои, если меня постигнет несчастье смерти, больше я с жизнью бороться не в силах». Маврикий Павлович умер в лагерной больни-

це 5 августа 1944 г. в возрасте пятидесяти лет.

Реабилитация

После ареста Лаврентия Берия Военная коллегия Верховного суда СССР определением от 23 декабря 1953 г. полностью реабилитировала майора Лизнарда Маврикия Павловича.

Где похоронен майор Лизнард — неизвестно. В 1985 г. его дочь, моя бабушка Тамара, поставила ему и его жене символический памятник на Введенском кладбище в Москве. Прадед до последней минуты надеялся на то, что его реабилитируют.

С сестрой Маргаритой, которая жила в Ницце, Маврикий Павлович виделся лишь однажды: в 1930 г. она со своим начальником приехала в командировку в Москву. Они встретились в гостинице «Савой». Когда прадеда арестовали, ему помнили и эту встречу, и его французских родственников, обвинив в шпионаже.

В письмах, которые писал прадедуска из тюрьмы, он надеялся на то, что его несправедливый арест будет обнаружен и ошибка будет исправлена. В 1937 г. людей забирали тысячами, сотнями тысяч. Но его вера в то, что Родина его реабилитирует, была непоколебима.

Он честно и верно служил царской, а позднее Красной армии, преподавал. Стремление служить армии и народу оставалось в нем всегда. Но новая власть не любила людей образованных, людей, которые имели свою точку зрения, людей, которые были прямыми и честными. Эти качества являлись, вероятно, абсолютно ненужными и даже вредными. Ярких, целеустремленных и способных уничтожали подчас целенаправленно.

Прадеда арестовали, когда обе мои бабушки, одна из которых была инвалидом детства и могла передвигаться только на костылях, ходили в школу. Они очень страдали и скучали по отцу, Маврикий Павлович проводил с ними много времени, был очень нежным и заботливым отцом. Прабабушка Вера, жена Маврикия Павловича, и обе мои бабушки прожили долгую жизнь в Москве. Каждой из них пришлось немало пережить из-за того, что они являлись родственницами «врага народа». Мой

дедуска, можно сказать, совершил подвиг, женившись на дочери «врага народа», являясь при этом военнослужащим Советской Армии.

Современная Россия начинает напоминать 1937 год

Я долгое время с интересом слежу за делом Ходорковского. Будучи человеком сильным и уверенным в своих убеждениях, он не уехал из страны, и ему тоже казалось, что вот сейчас он докажет свою невиновность, так как она очевидна. И вот он сидит уже восемь лет. У него существовала та же непоколебимая вера в торжество справедливости. И я уверена, она в итоге восторжествует и по его делу, но потерянные годы, к сожалению, не вернуть.

Я нахожу параллели между тем, что происходит в России сейчас, и тем, что было в тридцать седьмом: к людям приходят затемно, проводят обыски, забирают деньги, документы. При этом некоторые из этих людей не являются ни подозреваемыми, ни свидетелями. Издаются пакками умопомрачительные по своей глупости законы. Глядя на это, кому придет в голову в наше время искать правды в суде в России?

Конечно, 1937 год не совсем то же самое, что происходит сейчас. В современных условиях все выглядит, безусловно, по-другому, страна не может жить в изоляции, как это было раньше. Но по сути общего много: люди, имеющие собственное мнение, образованные и прямолинейные, становятся не нужны и даже опасны. Это печальная тенденция.

Хочется, тем не менее, надеяться, что наша страна не свернет на сталинский путь и уроки истории будут выучены. А в памяти детей и внуков миллионов невинных, погибших в лагерях, у которых просто отняли жизнь, эти страшные годы останутся навечно.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»
Фото из архива Тамары Родионовой

¹Цитаты по книге В.И.Родионова Мы жили и работали недаром. — М.: Прогресс — Культура, 1993. — 272 с.

В голодный 1921/22 год мой отец Лаишев Иван Михайлович, мать и дед с бабушкой умерли от голода и эпидемии тифа. Оставшись один с малолетними братьями и сестрами, не имея никаких средств к существованию, я был вынужден отдать в детдом малолетних сестру и брата. А двоих — брата и сестру постарше — взяли на воспитание родственники. Старший брат Николай был в это время на фронтах Гражданской войны в рядах Красной армии до 1920 г., а затем служил сверхсрочно, приезжал один раз ко мне в деревню, советуя учиться.

С этого времени работал землеустроителем и топографом при Пермском производственном участ-

После назначения Цехотский свое корректное отношение ко мне изменил на недружелюбное и придирчивое. Например, он стал мне давать командировки на меньший срок, чем это предусматривалось нормативами на выполняемую работу. Получилось, что я или должен был просить о продлении командировки для завершения работы, или, не закончив таковую, ехать в г. Пермь, так как жить без продления командировки в военное время значит подвергать себя риску. Мои командировки участились и происходили как раз к моменту отоваривания продуктовых карточек и промтоваров. Мне уже контролировать и наблюдать в магазине не было времени.

НКГБ, где меня завели в пустую комнату и, предъявив ордер городского прокурора о моем аресте, предъявили мне обвинение в контрреволюционной деятельности.

Я был настолько ошеломлен и напуган, что не мог выговорить ни слова, затем, оправившись, заявил, что тут какая-то ошибка, недоразумение. Очевидно, меня приняли за другого, говорил я, что я ничего плохого не делал, за что было бы меня арестовывать!

Я думал, что же это случилось и почему? Через 2–3 дня в 12 часов ночи меня повели на допрос к следователю (кажется, к Иванову). Он сидел за столом и перебирал мою папку с документами, изъятыми при обыске на квартире.

пить резиновой палкой, и ты у нас станешь тонкий, звонкий и прозрачный и уши топориком». Но я эти фиктивные протоколы не подписывал, которые они составляли в разных вариантах.

Допросы

Затем мое дело передали другому следователю, лейтенанту Чекалдину, который считался самым жестким из всех.

Вызвав меня ночью, он час рассматривал мое дело, все записки и прочее, а затем медленно подошел ко мне, сделал резкое движение рукой, подавшись корпусом вперед, точно хотел ударить со всего размаха.

Он писал протоколы допросов в разных вариантах, нагромождая на меня неслыханные преступления вплоть до шпионства.

Наконец, ему, видимо, это надоело, и он приступил к более активным действиям. Иногда приказывал встать, отодвигал табуретку и велел стоять на одной ноге. Я стоял.

Однажды на его ругательства я сказал ему: «Что, неужели, обучаясь в советской школе следователей, вас учили ругаться так похабно?» Он нажал кнопку у настольного телефона, сразу же дверь открылась, вошел конвоир или охранник, завязал мне глаза. Меня повели куда-то по коридорам, затем вниз по ступенькам. Закрыв дверь, охранник снял с меня платок. Я увидел узкий коридор, по обе стороны которого были кабинки, обитые железом, светилась маленькая электролампа. Я понял, что нахожусь где-то под землей. Охранник открыл железную дверь у кабинки 1,8 на 0,8 м и ударом в спину загнал меня туда. Я мог только стоять. Сверху капала какая-то холодная вода. В углу подполья, в крайней кабине, стонала и причитала какая-то женщина.

Прошли долгие годы. Я остался жив, но и теперь без содрогания я не могу вспомнить об этом, слишком было все это невероятным. Не знаю, сколько времени я стоял в кабинке. Туда он меня сажал раз 6–7. Иногда меня вытаскивали без памяти. Но я все еще не подписывал его протоколы допроса, без моего ведома составленные.

Однажды он показал на лист бумаги, исписанный крупным почерком, сказал мне: «Читай!» Я стал читать. Это было какое-то воззвание от Народной партии или Народной воли. Не дав мне все прочитать, он показал мне конец этого возвания, где красными чернилами было написано кем-то, что почерк мой и этот документ писал я.

Никогда в жизни я не состоял ни в какой партии. Это подлог, кем-то устроенный, или роковая ошибка. Разве не видно, что почерк не мой? Чекалдин ответил: «Ты хитрый артист и художник! Видишь, что это установила экспертиза, а почерк ты мог и изменить!» Я сказал: «Неужели в наше время может существовать какая-то партия? И мне ли, беспартийному, политически плохо развитому, о чем вы сами знаете, братья за такое страшное, гнусное дело? Только по истории я помню: существовала такая партия 100 лет тому назад. Подумайте! Какое страшное обвинение вы навешиваете мне на голову! Для чего? Я человек из самых низов, и если вам нужна моя жалкая жизнь — она уже в ваших руках! Делайте, что хотите! Но я этого не делал и ничего не писал! Не верю этой провокации и вашей экспертизе, как и вашим протоколам, которые вы неоднократно заставляли меня подписывать!» Тут со мной случился нервный припадок. Я не помню, как меня увели в камеру.

Дней через 4–5, вызвав меня ночью на допрос, Чекалдин заявил, что, дескать, ты это воззвание написал еще в 1942 или 1943 г., послал его по почте геологу Коробецкому, а последний сразу же принес его в НКГБ. Что будто бы я, говорил Чекалдин, из-за личных счетов хотел подвести под монастырь Коробецкого. Я отвечал ему, что действительно знаю Коробецкого года четыре, так как мы, топографы и геологи, работали в одной конторе ГРК, рядом, в двух смежных комнатах.

Никаких конфликтов, обострений или вражды у меня с ним не было как в производственной, так и

«ЭТО ТАКОЙ ГАД, С КОТОРЫМ ЦЕРЕМОНИТЬСЯ НЕЧЕГО! НУЖНО ТРЯСТИ ЕГО, КАК ГРУШУ!»

ке. Работая в геолого-поисковой конторе, по брони во время Великой Отечественной войны я в 1942 г. был переведен из нее в проектный отдел Главного управления «Молотовобъединение-нефть». Среди специалистов работал один местный механик Цехотский Владимир Иванович, 42-х лет, взаимоотношения с которым у меня первое время были самые корректные, до определенного времени.

Лаишев Василий Иванович, 1907 г. рождения, уроженец деревни Большая Осиповка Оханского района Пермской области, до ареста — инженер-геодезист. Был арестован 1 августа 1945 г. Осужден Пермским областным судом 10 января 1946 г. по ст. 58-10 ч. 2, 58-11 к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 12 декабря 1989 г. В своей просьбе о реабилитации, текст которой публикует «30 октября», Лаишев рассказывает в том числе и о методах выбивания показаний в те годы, заставлявших под страхом за судьбы детей оговаривать себя и ни в чем не повинных людей.

Контролер

В это время, к моему несчастью, в начале 1943 г. меня на собрании выбирают старшим контролером в наш магазин ОРСа, где я должен был в известные дни проверять правильность выдачи по карточкам товаров нашим служащим и рабочим.

Я рьяно взялся за дело и сразу же заметил, что начальство, местком и УРСЦы, узнают всех ранее, что привезено в магазин, и сразу вечером подают через прилавок корзинку и карточки, и заведующая магазином отпускает сама что есть лучшего из продуктов. Я сперва приглядывался и был, безусловно, возмущен этим положением. В довершение всего я заметил, что некоторые лица по знакомству или «блату» отоваривают совсем чужие карточки других ОРСов.

Тогда я начал действовать: проверял у некоторых карточки и, находя чужие, других ОРСов, возвращал и стыдил прямо в магазине. Раза три попадала и жена Цехотского и ряд других ответственных работников. Я тогда точно установил, что это приходят работники НКГБ, из которых человека 3–4 были следователи, которых я потом, после ареста, узнал.

В конце 1943 г. или 1944 г. (не помню) наступил день, когда УРС должен был отчитываться перед общим собранием рабочих и служащих управления «Молотовобъединение-нефть». На собрании присутствовал человек 150.

Мне пришлось выступить, и я на основании подмеченных фактов и записей начал говорить правду и внес предложение признать работу плохой. Почти все присутствующие поддержали, возглашая «Правильно!.. признать работу плохой!» В президиуме ступешались — опешили и, быстро переговорив между собой, ушли из зала собрания, а затем объявили, что собрание переносится, не объяснив почему. На другой день, придя на работу, мои товарищи сказали, что меня обвиняют в том, что я якобы сорвал собрание, будучи пьяным.

Цехотский

В 1943 г. управляющим проектным отделом был назначен Цехотский В.И. Он работал до этого в конструкторском бюро завода им. Сталина. Был в 1937 г. арестован органами НКГБ с группой сотрудников и просидел 5 месяцев в тюрьме, но был выпущен.

В конце 1944 г. Цехотский неожиданно пришел ко мне домой. После отвлеченных разговоров он обратил внимание на портрет Молотова, что висел у меня в большой раме над столом, и сказал, что вот, дескать, сын купца Скрыбина, а теперь в правительстве, неужели не стало более достойного, чем мужик из купеческого сословия? (Впоследствии мне следователь Иванов читал донос, в котором эти слова будто говорил я). Я удивился такому вопросу и возразил ему, что Молотов заслуженный старый большевик, еще в университете был марксистом, следовательно, вполне достоин быть в правительстве.

Через месяц или два Цехотский предложил в субботу сходить с ним к его другу механику Курдюмову. Там Цехотский опять завел разговор на политическую тему, о заключенном договоре с Германией перед войной Молотовым, о доставке хлеба из СССР, доказывая, что это была ошибка Сталина. Курдюмов соглашался с ним. Я же только сказал, что правительству виднее, что нужно делать. Затем мы разошлись (в доносе Цехотский писал о нас обоих, что мы ругали Сталина).

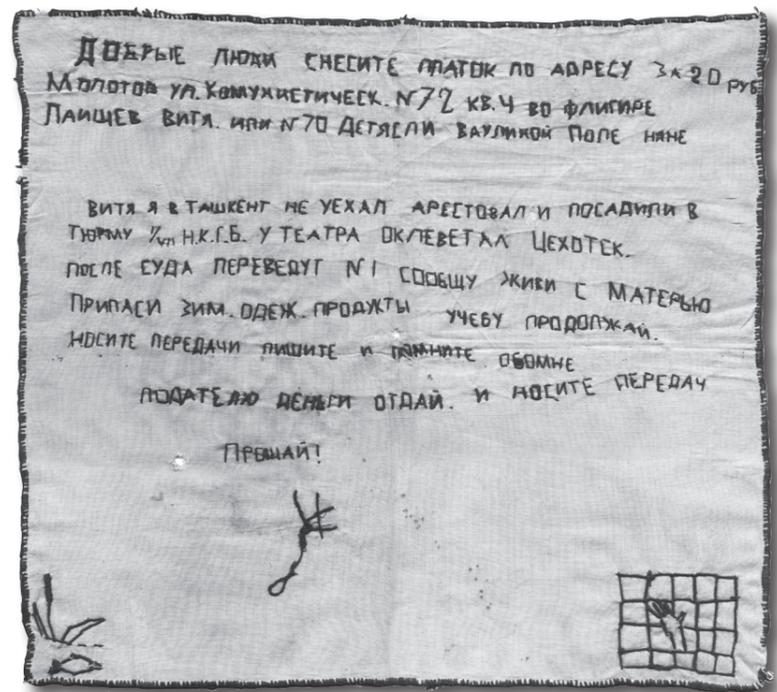
Таким же образом был спровоцирован и инженер ОКСа «Краснокамскнефть» Дворниченко П.

Разыскав меня после работы в гостинице Краснокамска, где я был в командировке, Цехотский сказал мне, что нас приглашал к себе инженер Дворниченко на именины. Там, в гостях у Дворниченко, Цехотский рассказывал какие-то политические анекдоты, один про Троцкого, а другие я не помню. Позже Цехотский донес в НКГБ, что это Дворниченко рассказал антисоветские анекдоты, а я ему сочувствовал.

Таким образом, трое незнакомых между собой людей были замешаны в одно дело. С привлечением пункта 2 мы проходили по делу как преступная группа.

30 июля 1945 г. утром я был вызван начальником управления, который мне сказал, что согласно полученной телеграмме из наркомата нефтепромышленности я откомандировываюсь на спецработы в г. Ташкент сроком на 3 месяца.

Простившись с сыном, я сел на поезд 1 августа 1945 г. и на второй остановке от г. Перми был снят органами НКГБ и на легковой машине доставлен в г. Молотов в здание

Эти документы не удовлетворяли следователя, так как говорили в мою пользу, тогда он начал задавать мне вопросы, заставил писать автобиографию, а затем, прочитав ее, изорвал.

Допросы за все время производились только ночью — с 12 часов до 4–5 часов утра, спать давали 2–3 часа в сутки. Хлеба давали 400–450 г. Примерно дней через 10–12 на допросе ночью Иванов грубо приказывает мне рассказывать о своих действиях.

Я отвечал, что ничего не знаю и ничего предосудительного не делал за всю свою жизнь. Тогда он вынимает из папки штук 10 бумажек и начинает читать, что я якобы высказывался против пионеров. Я сказал, что мой сын сам был пионером, как же я буду говорить против и для чего?

Во второй бумажке написано, что я высказывался против государственного займа, сам не подписывался и другим не велел. Я заявил, что это ложь, ежегодно во время войны я подписывался на полтора оклада, как и все в управлении, обо мне знают это сотрудники. Затем зачитывал все бумажки-доносы Цехотского. Я опровергал, что все это ложь, написанная им из-за личных счетов. О том, что я ругал евреев и развёл антисемитизм. О том, что дискредитировал руководство в военное время в своих выступлениях на собрании.

После 3–4 недель ареста следователь стал составлять протоколы не с моих слов, а с доносов. Но я их не подписывал. Иногда к нему на помощь приходил начальник следственного отдела Шихман. Он хватал папку с моим делом и бил меня по лицу, по носу, заявляя: «Вот мы спустим с тебя штаны, будем лу-

С этого дня началась настоящая пытка для меня. По три раза в ночь он вызывал меня к себе. Иногда не спросит ни слова, а лишь смотрит, чтобы я не спал и не дремал. А если я забывался, то громким окриком, сопровождавшимся злобной руганью, заставлял меня бодрствовать, а затем отпускал в камеру. Только я засыпал, меня опять поднимали и вели к нему, и так почти до самого утра.

Были и такие приемы. Сижую ночью у него в кабинете, вдруг к нему приходит другой следователь, посмотрит на меня в упор и, обернувшись к Чекалдину, говорит: «Да я давно его знаю! Это же такой гад и тип, с которым церемониться нечего! Нужно трясти его, как грушу. Это же вредитель и шпион, мы за ним охотимся уже 4-й год! Это же из 5-й колонны фашистского подполья! Надо его подвести под расстрел или, в лучшем случае, дать 25 лет каторги». Я сидел и молчал, страшно было осознавать, где я? В своей ли стране? Отчего и почему возникла такая жестокость? И к кому? Что породило такую злобную ненависть по отношению к простым людям? Где же советские законы и кто дал им право так преступно попирает их ногами?

Чекалдин делал вид, что не знает меня. Я иногда говорил ему про свою биографию, про свою работу, что я не враг, а наоборот — что советская власть сделала меня человеком. Называл десятки своих родных и товарищей, которые знают всю мою жизнь. Просил вызвать их, опросить, разрешить это роковое недоразумение.

Чекалдин на это говорил: «Вот мы доберемся до всех твоих товарищей и родственников, как сообщников закатаем по «катушке» (так называли 10 лет) вместе с тобой».

в бытовой жизни. Это или ошибка, или сознательная провокация против меня, говорил я.

Следователь Чекалдин: «Хорошо. Мы с тобой будем действовать иначе». Он вызвал охранника, и меня снова отвели в карцер.

Маруся!

Когда мы со второй женой, Илюхиной Марией Степановной, простой малограмотной женщиной, бездетной, получили квартиру, то решили забрать моего сына от первого брака Виталия жить с нами. В то время на основании постановления обкома или горсовета всех женщин не старше 40 лет, которые не имели детей, мобилизовали на военные заводы. Мою жену взяли на завод им. Дзержинского к станку токарем. Она же, не бывшая никогда на заводе и не зная этой работы, сильно переживала, говорила, что делает брак, и хотела вернуться к маме в деревню. Я доказывал ей, что ее будут судить согласно указу как дезертира с военного производства. Она не послушала и все-таки ушла в деревню к матери. Но ее поймали и осудили по указу на 5 лет. Отбывала она срок до амнистии 1945 г. Я в это время жил с сыном вдвоем.

При последующем допросе следователь Чекалдин, узнав про мою семейную жизнь, вызвал мою бывшую жену в г. Пермь из Б.Сосновского района, где она при выходе из заключения проживала с матерью.

Меня вызвали на допрос днем. За столом сидел Шихман, начальник следственного отдела, и следователь Чекалдин. Мне сказали, что сейчас придет жена Илюхина М.С. Я был очень удивлен и сказал им: «Она ведь не жила со мной с 1942 г. и после отбытия наказания уехала к матери в деревню. Что же она может сказать? Ведь арестовали вы меня без нее? Прошло 3 года. И не только она, а даже я до сих пор не знаю за что сижу». Следователь Чекалдин: «Теперь вот узнаешь! Вот подпиши бумажку, что веришь показаниям своей бывшей жены». Я думал и колебался, ожидая подвоха, а затем решил подписать, зная, что ничего плохого у нас с ней не было и жили мы с ней неплохо. Шихман после этого ушел.

Затем ввели мою бывшую жену. Она хотела броситься ко мне, но

Чекалдин грубо взял ее за руку, провел к столу и, достав протокол предварительного допроса, позвал меня и дал почитать. Жена сидела отвернувшись, не глядя на меня.

Моя жена малограмотная, пугливая, только вышедшая из лагеря, где она просидела 3,5 года. Чекалдин, очевидно, ее так запугал, что она подписала все, как он хотел, из страха, только бы ее снова не посадили.

Я читал и не верил своим глазам. Горькая обида, разочарование в ней и возмущение охватили меня. В протоколе было написано, что я жил с ней плохо, притеснял ее и пр. Что она с завода убежала из-за меня. Что я ночью в 1941-м или 1942 г. писал какую-то бумагу и положил ее в гитару, а затем ушел. Она якобы встала, достала и прочитала. И это было воззвание от партии Народной воли. Что в Чернушинском районе, где мы работали в 1936 г., землеустроитель Беклемышев вел антисоветские разговоры.

Тогда я обратился к бывшей жене: «Маруся! Неужели ты могла написать такую гнусь и ложь? Не смотря на меня, едва сдерживая рыдания, она прошептала: «Я не писала». Я говорил: «Разве ты не помнишь, что в гитару я сложил черновики координат, приезжая с работы, боясь, чтобы сын Виталий не мог их по ошибке взять?». Она подтвердила это кивком головы.

Я говорил: «Ведь этого ничего не было. А с завода ты ушла, когда я был в командировке в г. Краснокамске. И никогда ведь я тебя ни в чем не притеснял». Она подтвердила это, сказав: «Да». А затем она закрыла лицо руками и заплакала, сказав: «Я ничего не знаю, не помню и боюсь! Прости меня, Вася!»

Следователь Чекалдин разозлился, видя, что протокол, составленный им самим, разоблачается, стукнул по столу и грубо обратился к жене со словами: «Что же ты говорила на предварительном допросе? Значит, ты хочешь его декорировать? Выходит, вы заодно действуете? Тебе что, еще туда хочется, откуда вышла? Да мы не только вас обоих будем судить, а завтра же арестуем и вашего сына. Пусть сидит вместе с вами!»

Услышав это, я просто обмер, ужасаясь за участь сына. Закричав, я упал возле стены без сознания.

Очнувшись я от холода. Открыв глаза, увидел, что на меня льют холодную воду из графина и я весь мокрый. Меня утащили в камеру. Жены я больше не видел. Не была она и на суде.

Последняя воля у меня была сломлена. Я покорился своей участи и думал теперь только о сыне, ужасаясь, что его могут арестовать. Болел я недели две, а затем ночью (кажется, в декабре 1945 г.) меня снова вызвал Чекалдин, но на этот раз он вел себя спокойно. Через полчаса он мне заявил, что, дескать, от моего поведения теперь зависит вся судьба и жизнь моего сына. Я его понял и спросил, что же от меня требуется. Следователь Чекалдин: «Очень немного! Подтверди показания своей жены и подпиши протокол». Он был немного видоизменен, и я подписал эту наглую ложь, чувствуя свою обреченность. В душе теплилась надежда и сознание, что, может быть, не тронут сына после моего подписания 2 или 3 протоколов, которые он мне подсовывал и которые я даже не читал.

С этого дня следствие пошло быстро. Была очная ставка с Дворниченко, который сознался в том, что рассказал два анекдота, а я будто повторил его последние слова — «Да, ад». Я подписал и этот протокол. С Курдюмовым очной ставки не было, но допрашивающий его молодой следователь прибежал ко мне с протоколом допроса и, тыча мне его под нос, сказал: «Смотри, что Курдюмов на тебя написал! Ведь он тебя с навозом смешал. Все на тебя взвалил, а себя выгораживает. Что ты на него смотришь? Пиши на него! Да вот, кстати, и бумажка, тут все есть, что он говорил». Я взял и подписал, зная, что Курдюмов и без этого обречен. Так вот нас и принуждали топить друг друга.

Был уже январь месяц 1946 г. Готовились нас судить. На всех троих сделали одно общее дело. Меня вызвали подписывать 206-ю или 308 ст., т.е. окончание моего дела. Я заметил, что протоколы, которые я подписывал, после очной ставки с женой датированы не тем числом, а на 2–3 месяца раньше и совсем в другом порядке, наоборот. То есть будто я сознался раньше, а жена подтвердила позже, с небольшими изменениями.

Я сказал об этом начальнику следственного отдела, что ведь это все ложь! И я подписывать не буду. Он говорил мне: «Ведь все равно ничего уже не изменишь. Это даже еще для тебя лучше, потому что доказывает, что ты честно признался сразу, а не упорствовал и не вводил в заблуждение нас».

При просмотре дела бумажек-доносов Цехотского и других недругов не было. Я подумал и подписал без всяких примечаний.

Суд

В облсуде нас всех троих посадили ожидать в маленькую комнату. Через полчаса к нам зашел прокурор лет 45 (фамилию не помню), у него не было левой руки. Спросил, обращаясь ко всем трим: «Кто из вас будет жаловаться?» Дворниченко сказал: «Я не буду». Курдюмов тоже сказал, что не будет. А я сказал, что буду и обжалую, потому что ложь и признание достигнуты угрозами и силой. Прокурор, наклонившись, сказал мне: «Хорошо, я буду просить суд, чтобы тебе закатали 15 лет каторги». После чего он ушел.

Против меня на суде выступил свидетелем кто-то подставной. Он сказал, что год тому назад при разговоре про войну я восхвалял военную технику Германии и мощь ее армии. В армии и на войне я никогда не был и абсолютно ничего не смыслил ни в вооружении, ни в армии, ни в технике, я из ружья не стрелял в жизни.

Следующая свидетельница была Матвиенко Мария, нормировщик из проектного отдела. На вопрос судьи, верно ли, что я выступал и агитировал против госзайма, не подписываясь сам, Матвиенко сказала правду: «Это неправда, ложь. Лаишев всегда, как и мы все, не менее чем на полтора оклада зарплаты и никогда он не высказывался против».

В начале суда я просил судью вызвать свидетелей. Судья сказал, что сейчас все ясно, поскольку вы сознались. На очную ставку и свидетелями не пришла моя бывшая жена Илюхина. Ни Цехотский, никто, кроме двух вышеназванных свидетелей.

Моя защитница оговорилась, что не читала и не знает наше дело, так как ее только что вызвали, но просила вызвать моих свидетелей.

И все. Суд удалился на совещание и не более как через 8–10 минут уже вышли и огласили приговор. Дворниченко и Курдюмову по 5 лет ИТЛ, а мне 10 лет (якобы как инициатору) и 5 лет поражения в правах.

Копии приговора суда не дали, обещали выслать через день. Но я так его и не получил. Затем нас повели в тюрьму № 1. Это было 10 января 1946 г. Здесь нас разделили. Меня посадили в одиночную камеру, в которой я пробыл трое суток. Если бы я захотел обжаловать приговор в то время, то физически не мог это сделать. Затем меня направили в л/п Ераничи, а через 3–4 месяца этапировали на Север, в Коми АССР, где и отбыл свой срок, 10 лет полностью, в Инте и на станции Абезь, на северо-полярном круге.

Моя жалоба-просьба о реабилитации уже написана в черновике много лет назад, но я не решался ее послать, так как до сих пор мне памяты слова следователя Чекалдина и Шихмана, что клевета на судебно-следственные органы повлечет тебе снова дополнительное жесткое наказание. А это они могли сделать.

Только посоветовавшись с юристами и прокурором, я решил послать эту просьбу, абсолютно правдиво описывая все обстоятельства дела, может быть, не по форме, но зато по существу.

Срок я свой отбыл, жизнь почти прожил, терять мне нечего. Но с полной ответственностью и сознанием советского человека я повторяю, что никаких воззваний я не писал и не распространял. Не было цели и смысла говорить и делать что-нибудь против советской власти, которая дала мне образование и сделала меня человеком. Лишь личные счеты и вражда отдельных людей сделали меня преступником при посредстве бериевских исполнителей.

К сему расписуюсь: Лаишев
19 февраля 1960 г.

По материалам Пермского «Мемориала»

На снимке: плакат, на котором вышито красными нитками послание Василия Ивановича Лаишева своим родственникам. На первой полосе — лагерная фотография В.Лаишева.

ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 17012 Л. 243–259 об.
Подлинник. Рукопись.

ЯБЛОНОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Сегодня о Колымской трассе ходит в народе уйма небылиц. Но многие слышали и передают из уст в уста вполне правдоподобные были-легенды о дороге жизни. Истинную же правду о строительстве главной автомобильной магистрали Колымы знают немногие. А почему? Не потому ли, что истории малой родины мы сегодня уделяем мало внимания. Думаю, что со мной согласятся не только рядовые колымчане, но и представители власти, которые, надеюсь, не станут возражать и оправдываться.

Колымскую трассу, да и большинство второстепенных колымских дорог, строили в 1930–1950-е гг. заключенные. И многие из живущих на Колыме, да и те, кто интересуется нашим краем, зачастую в своих речах говорят, что главная артерия Колымо-Индибирского края, связывающая Магадан с Усть-Нерой, построена на человеческих костях, то есть на костях заключенных. Конечно, имеется в виду тот факт, что многих заключенных-строителей дороги, умывавших от холода и непосильной работы, хоронили прямо тут же, то есть на рабочем месте. В то время просто некогда было возиться с трупами, потому что Дальстрою как воздух нужна была дорога в глубь Колымы, где были обнаружены огромные запасы стратегических металлов — золота и олова, которые уже добывали на приисках.

Но не только умершие заключенные-строители, грубо говоря, легли в основу дороги жизни, но и сотни, а может быть, и ты-

сячи вольных, в том числе водителей, геологов, горняков, связистов и т.д. Строительство дороги, конечно же, в первую очередь зависело от наличия людей и техники. Первых было, можно сказать, с избытком (заключенные), а вот какой-либо техники ох как не хватало. Поэтому люди шли по бездорожью пешком, иногда с помощью гужевого транспорта доставляя в труднодоступные безлюдные места необходимые грузы. Немаловажным звеном в строительстве трассы была связь. Ее также прокладывали по бездорожью, почти без техники, зимой и летом, в любую погоду.

Среди тех бесстрашных связистов был и Иван Филиппович Макеев, один из первых, кто торил в непроходимой заснеженной тайге в 1932 г. эту многоткилометровую трассу, чей прах, образно говоря, тоже лежит в основании Колымской трассы. Он умер, будучи тяжелооболванным цингой, на Яблоновом перевале, оставаясь на своем рабочем по-

сту до последней минуты жизни. Впрочем, об этом мужественном связисте лучше расскажет архивный документ (печатается без изменений).

«Приказ № 172 по дирекции треста «Дальстрой». Бухта Нагаево. 21 октября 1932 г.

16 сего Октября скончался Помощник Начальника Управления строительства Телефонно-телеграфной связи тов. Макеев Иван Филиппович.

Несмотря на тяжелое болезненное состояние, тов. МАКЕЕВ до последней возможности оставался на своем служебном посту.

Согласно моему приказу, тов. МАКЕЕВ похоронен на Яблоновом хребте 19 октября 1932 г.

Управляющему Делами предлагаю оформить все необходимые мероприятия по обеспечению семьи умершего, согласно существующего законодательства, а также специального Постановления Правительства об обеспечении работников «Дальстроя», потерявших трудоспособность или умерших при исполнении служебных обязанностей.

ВРИД. директора «Дальстроя» (роспись) (Лившиц).

Связисты похоронили своего начальника почти на вершине перевала — там, где он умер, установив скромный деревянный памятник, который в течение более двух десятков лет облагораживали и обновляли.

В 1954 г. на месте деревянного памятника возвысился двухме-

тровый железобетонный обелиск, простоявший почти 60 лет...

17 сентября 2012 г. в 14 часов, несмотря на сильный холодный ветер, на Яблоновом перевале на 174-м километре знаменитой Колымской трассы состоялось открытие нового памятника связисту-первопроходцу. В церемонии открытия гранитно-мраморного памятника приняли участие заместитель губернатора Магаданской области А.В. Положиев, глава администрации Хасынского района, на чьей территории находится Яблоновы перевал, И.П.Тейхриб, ректор Северо-Восточного государственного университета, доктор исторических наук профессор А.И. Широков, директор магаданского филиала ОАО «Ростелеком» С.В.Власов — главный инициатор возведения памятника.

Я спросил Сергея Владимировича, с чем связано такое внимание к могиле 80-летней давности.

«Иван Филиппович — наш коллега, один из первых связистов Колымы. Узнав о его судьбе, я как колымчанин, проникся глубоким уважением к этому человеку. Посоветовавшись с работниками нашего филиала «Ростелекома», мы решили отдать должное герою-первопроходцу... Может возникнуть вопрос: а почему раньше этого не сделали? У каждого человека есть определенная черта в жизни, переступив которую он начинает думать и держать по-другому. Видимо, и я пе-

реступил эту черту, побывав года полтора назад впервые у памятника связисту на Яблоновом перевале. Восстановление обелиска стало для нас знаковым событием, символизирующим восстановление исторической памяти колымчан».

Добавлю, что магаданские связисты, вместе с директором филиала «Ростелекома» С.В.Власовым сами разработали и воплотили в жизнь проект нового памятника. На обелиске установили и мемориальную табличку, рассказывающую о произошедшем в далеком 1932 г. событии.

И последнее, о чем я говорил в начале статьи. Давайте читать книги, касающиеся истории нашего региона. А то как-то нехорошо получается, когда мы искажем географические названия, как это случилось с Яблоновым перевалом. На дорожных знаках, да и на многих современных географических картах он значится как «Яблоновый», хотя не имеет никакого отношения к слову «яблоко». Название перевала произошло от юкагирского слова «яблон», что может означать «дорога», «путь», «след»... (Топонимический словарь Северо-Востока СССР, с. 442. В.В.Леонтьев, К.А.Новикова. Магад. книж. из-во. 1989 г.)

Иван ПАНИКАРОВ
Егодичная районная общественная историко-просветительская организация
«Поиск незаконно репрессированных»

ОКТАБРЬСКИЕ И НОЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1917 г. 20 октября (7 октября по ст. ст.)

В Петрограде начал работу Временный совет Российской республики (предпарламент) — совещательный орган при Временном правительстве, который должен был действовать до созыва Учредительного собрания, но был разогнан большевиками в день Октябрьского переворота. Разгон Учредительного собрания означал окончательный крах иллюзий в отношении демократического развития страны и полную узурпацию власти.

1927 г. 12–23 октября

Пленум ЦК ВКП(б) исключил из своего состава бывших вождей партии, лидеров «объединенной оппозиции» Л.Троцкого и Г.Зиновьева. Они выступали против тезиса о «возможности построения социализма в одной стране» и против «аппаратно-бюрократического зажима». В ноябре того же года они были исключены из партии. С декабря 1927 г. оба вождя оппозиции стали подвергаться уголовным репрессиям. В 1935 г. Зиновьева после нескольких внесудебных ссылок приговорили к заключению в политизоляторе (за «идейное соучастие» в убийстве Кирова), а в августе 1936 г. на публичном показательном процессе ему был вынесен смертный приговор. Троцкого, отбывшего год в ссылке, в январе 1929 г. выслали из СССР, в 1932 г. лишили гражданства СССР, а в августе 1940 г. он был убит агентом советской разведки. И Зиновьев, и Троцкий были посмертно реабилитированы.

1932 г. 10 октября

Состоялся пуск ДнепроГЭСа — крупнейшей стройки первой пятилетки. ДнепроГЭС был началом выполнения общей стратегии ГОЭЛРО по преодолению технической отсталости России. Сооружение электростанции сопровождалось пропагандистской кампанией. Стройка была объявлена ударно-комсомольской, хотя основной рабочей силой на ДнепроГЭСе были молодые крестьяне, искавшие сезонного заработка или бежавшие от коллективизации. Использовался и труд заключенных.

1937 г. Октябрь

В стране проводились массовые казни. Ежедневно расстреливали более тысячи человек. 8 октября в Москве был расстрелян поэт Сергей Клычков, в Алма-Ате — экономист и писатель Александр Чапанов. 10 октября в Челябинской области расстреляли митрополита Петра (Петр Федорович Полянский), местоблюстителя Патриаршего престола Русской православной церкви (в 1997 г. канонизирован как великомученик). За год до казни власти сообщили церковному руководству о смерти Петра). 22 октября в Томске был расстрелян поэт Николай Клюев.

2 октября

Постановлением ЦИК СССР максимальный срок лишения свободы был увеличен с 10 до 25 лет для борьбы со шпионажем, вредительством и диверсиями. Верхняя планка срока была снижена в послесталинские годы. В редакции Уголовного кодекса 1960 г. она составила 15 лет.

21 октября

Арестован авиаконструктор Андрей Туполев. Конструкторское бюро, которое он возглавил в заключении, в народной молве получило название Туполевская шарага. В июле 1941 г. Туполева освободили со снятием судимости (срок по приговору был 15 лет, среди обвинений были «вредительство», «принадлежность к контрреволюционной организации» и «шпионаж»). В 1955 г. Туполев был реабилитирован.

1942 г. 9 октября

Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии было восстановлено единоначалие и упразднен институт политических комиссаров. Среди причин этого решения исследователи называют огромные потери в командном составе в начальный период войны и недовольство военачальников, воспринимавших этот институт как проявление политического недоверия. Заместители по политической работе были переданы в подчинение командирам и лишлись комиссарских полномочий.

1952 г. 14–15 октября

В Москве после 13-летнего перерыва состоялся XIX съезд ВКП(б). С отчетным докладом впервые выступил Г.Маленков (многих этот факт укрепил во мнении, что Сталин выбрал его себе в преемники). Сам вождь выступил с краткой заключительной речью (это было последнее публичное выступление Сталина), заявив: На съезде партия была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза.

1957 г. 29 октября

Пленум ЦК КПСС принял решение о снятии Г.К.Жукова с поста министра обороны СССР и выводе его из Президиума ЦК КПСС. Полководца обвинили в «бонапартизме». Пленум проходил в отсутствие Жукова, находившегося с визитом за границей.

1962 г. 21 октября

В «Правде» опубликовано стихотворение Е.Евтушенко «Наследники Сталина», незадолго до этого распространявшееся в Самиздате. Стихотворение вызвало негодование ортодоксальной части партийной номенклатуры и одобрение антисталински настроенных интеллигентов. Это стихотворение стало гимном «оттепели».

1967 г. Октябрь

Бывший заключенный мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы Анатолий Марченко закончил книгу «Мои показания». Это было первое развернутое мемуарное свидетельство о советских политлагерях послесталинского периода, разрушившее иллюзии, распространенные как в советском обществе, так и на Западе, будто политические репрессии, открытое насилие и грубый произвол по отношению к инакомыслящим ушли в прошлое вместе со Сталиным.

1972 г. Октябрь

Приостановлен (в связи с угрозой репрессий против редакции) выпуск правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». Выпуск «Хроники» был возобновлен в мае 1974 г.)

30 октября

Выездная сессия Московского областного суда в Ногинске, вынесла приговор астроному Крониду Любарскому. За активное собрание, тиражирование и распространение Самиздата он получил по ст. 70 УК РСФСР (анти-советская агитация и пропаганда) 5 лет лагерей. Из последнего слова Любарского на процессе: «К Самиздату можно относиться по-разному, но, как к нему ни относиться, он есть... Это стало уже социальным явлением. Я просмотрел иностранные академические словари и обнаружил, что во многие из них из русского языка проникло новое слово — «самиздат»... Мне кажется, что предыдущим словом, которым русский язык обогатил другие языки за 10 лет до этого, было слово «спутник».

1977 г. 7 октября

Принята новая Конституция СССР («брежневская»). Этому предшествовала пропагандистская кампания, имитировавшая всенародное обсуждение Основного закона. В Самиздате с резкой критикой проекта Конституции, и прежде всего статьи 6, законодательное закреплявшей всевластие КПСС, выступили многие правозащитники.

1987 г. 22 октября

Было объявлено о присуждении Нобелевской премии по литературе поэту Иосифу Бродскому (находился в эмиграции с 1972 г., умер в 1996 г.). В 1964 г. поэт был приговорен к 5 годам ссылки за «тунеядство» и сослан в Архангельскую область. Запись суда над Бродским (ключевую роль в ее составлении сыграла Фрида Вигдорова) широко разошлась в Самиздате. В ссылке поэт провел полтора года. Срок был сокращен до фактически отбытого благодаря заступничеству отечественных и зарубежных деятелей культуры.

1992 г. 25 октября

В Киеве умер Иван Алексеевич Светличный (Свитлычный) — украинский критик, литературовед, поэт, переводчик, политзаключенный, духовный лидер национально-демократического движения 1960–1970-х гг., распространитель Самиздата. В 1965 г. был репрессирован за правозащитную деятельность. Лауреат Государственной премии УССР имени Т.Г. Шевченко (1994, посмертно).

10 ноября (28 октября по ст. ст.)

Вышел Декрет ВЦИК о печати, согласно которому пресекалась возможность выпуска «контрреволюционных» (с точки зрения большевиков) изданий. Этот декрет положил начало уничтожению легальной оппозиционной прессы. По данным исследователей, к июню 1918 г. действие декрета привело к прекращению выпуска 470 газет.

1917 г. 7–8 ноября (25–26 октября по ст. ст.)

Октябрьский переворот в Петрограде, ознаменованный арестом Временного правительства, об-

разованием однопартийного (большевистского) Совета народных комиссаров. Второй съезд Советов принял декреты о мире и о земле (отменил помещичью собственность, пообещав землю крестьянам — это обещание выполнено не было).

25 ноября (12 — по ст. ст.)

Состоялись выборы во Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было стать высшим законодательным органом власти в стране, определить форму правления и принять конституцию России. Это были первые всеобщие прямые равные и тайные выборы в истории России. В выборах приняло участие более 44 млн человек (из 90 млн включенных в списки). В январе 1918 г. состоялось единственное заседание Учредительного собрания. Собрание провозгласило Россию федеративной демократической республикой и отменило частную собственность на землю, провозгласив ее общенародным достоянием. Когда Собрание отклонило некоторые декреты, предложенные Совнаркомом, большевики покинули его, а наутро матросский караул предложил депутатам разойтись. В тот же день Учредительное собрание было объявлено распущенным.

1927 г. 7 ноября

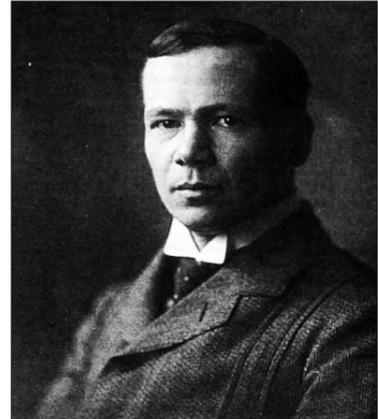
Во время празднования 10-й годовщины Октябрьского переворота лидеры «левой оппозиции» Л.Троцкий, Г.Зиновьев и Л.Каменев попытались организовать в Москве альтернативную демонстрацию с лозунгами против бюрократизации партии и государства. Манifestанты были жестоко (с применением конной милиции) разогнаны властями. Оппозиционных демонстраций в столице после этого не было вплоть до декабря 1965 г.

1932 г. 8 ноября

Покончила с собой (застрелилась) Н.С.Аллилуева, жена И.В.Сталина. В печати было сообщено, что она умерла от сердечного приступа, а в народе на долгие годы утвердилось мнение, что Сталин убил свою жену. На протяжении 1930-х гг. Сталин расправился со всеми сотрудниками аппарата Кремля и придворными медиками, которые владели информацией об обстоятельствах гибели Аллилуевой.

1937 г. 16 ноября

В Томске был расстрелян Густав Густавович Шпет (род. в 1879 г.) — один из крупнейших философов XX в., психолог, историк, педагог. В 1935 г. он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и отбыл в Томске ссылку. В конце октября 1937 г. последовал новый арест. Г.Г.Шпет был реабилитирован в 1956 г.

1952 г. 20 ноября

В Праге начался суд над попавшими в опалу руководителями Коммунистической партии Чехословакии во главе с бывшим генеральным секретарем Рудольфом Сланским. Внутри партии Сланский занимал вполне ортодоксальные позиции. Так, в мае

1950 г., выступая на очередном съезде Коммунистической партии Словакии, Сланский призвал вернуть борьбу против так называемой группы буржуазных националистов в руководстве словацких коммунистов. Все подсудимые признали себя виновными в «шпионской деятельности» и участии в «заговоре», большинство из них было казнено. Один из выживших, Артур Лондон, написал книгу «Признание» о том, как готовился этот показательный процесс, — в 1960-е гг. эта книга стала мировым бестселлером.

1957 г. Ноябрь

В Милане в издательстве Фельтринелли был опубликован в переводе на итальянский язык роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». В 1956 г. автор предлагал рукопись журналу «Новый мир», «Знамя» и альманаху «Литературная Москва». Из новомировской редакции пришел резкий идеологический отказ: «...о публикации Вашего романа на страницах журнала... не может быть и речи...» (именно в «Новом мире» роман был напечатан в 1988 г.).

1972 г. 2 ноября

В лагерной больнице после неудачной операции умер Юрий Галансков — политзаключенный мордовских лагерей, поэт, публицист, автор «Человеческого манифеста», ставшего паролем собраний молодежи у памятника Маяковскому. Галансков был приговорен к 7 годам колонии строгого режима и 5 годам ссылки. Он стал первым диссидентом, погибшим в лагерях брежневской эпохи. С 1989 г. произведения Галанскова и воспоминания о нем стали публиковаться на родине. В 1991 г. его прах был торжественно перезахоронен в Москве на Котляковском кладбище. На траурном митинге, состоявшемся на площади Маяковского, выступили Владимир Буковский, Лариса Богораз, Лев Копелев и известные общественные деятели начала 1990-х гг.

1992 г. 30 ноября

Было оглашено постановление Конституционного суда РФ по «делу КПСС», суть которого сводилась к тому, что указы президента Б.Н. Ельцина объявлялись неконституционными частично. КПрФ было разрешено продолжить деятельность на территории России, однако деятельность прежних организационных структур партии (ЦК, обкомов и т.п.) суд признал антиконституционной. В результате процесса по «делу КПСС» были раскредитованы и стали достоянием ученых и обществу тысячи уникальных архивных документов истории России XX в.

Фото из Архива НИПЦ «Мемориал», Москва.

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.RU

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Октябрь — Ноябрь 2012. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно